

375
PA1-93 hp.
350202

На доброго намерения
С. Н. Морозов - Карапов
от М. Шурин

19¹⁸
II 01

Главное (Николаевское) *) инженерное училище въ пятидесятихъ годахъ.

(Изъ воспоминаній).

Сорокъ лѣтъ кануло въ вѣчность съ той минуты, когда за мной, инженернымъ офицеромъ, захлопнулись двери милыхъ мнѣ академіи и училища!.. Открывалась жизнь, широко разстилалось, передъ рвавшимся къ дѣлу юношей, поле дѣятельности... Радостно билось сердце, надежды и планы роились въ головѣ, привѣтно манила къ себѣ лучезарная даль... Но осѣдала на сердце и горечь: жаль было свѣтлыхъ минутъ, проведенныхъ въ стѣнахъ инженернаго замка, людей, съ которыми сжился и которыхъ судьба разметала по всему лицу необъятной Россіи...

И вотъ, черезъ сорокъ лѣтъ встаютъ передо мной великія тѣни Отцовъ-Покровителей... Звучатъ, проникая въ далекіе тайники души, прощальныя слова: «Господь съ вами!» Незабвеннаго Основателя училища, Императора Николая, сказанныя выпускнымъ 1854 года, передъ отправленіемъ ихъ, въ полномъ

*) Переименовано въ «Николаевское» послѣ кончины Императора Николая Павловича, Основателя училища.

Главное (Николаевское) инженерное училище въ пятидесятыхъ годахъ.

(Изъ воспоминаній).

(Продолженіе).

Наконецъ роковой день насталъ. Около девяти часовъ вечера, черезъ обширный дворъ инженернаго замка, по гранитному крыльцу, вошли мы группою въ сѣни перваго этажа (подвального этажа я не считая). Прямо передъ нами поднималась бѣлая мраморная лѣстница, во второй этажъ, гдѣ помѣщались классы, на лѣво, надъ дверьми, висѣла надпись «кондукторская рота», а направо дверь «въ канцелярію». Мы отворили дверь «въ роту»: большая пріемная съ незатѣйливою мебелью и гравюрами военного содержанія по стѣнамъ, роялемъ и караульною платформой, (тутъ производились репетиціи караульной службы), прямо—дверь въ амуничникъ, направо—въ огромный рекреационный залъ, окнами на обширное гранитное крыльцо, обращенное къ Лѣтнему саду. Въ нишѣ средняго окна стоялъ на пьедесталѣ большой бронзовый бюстъ Великаго Князя Михаила Павловича, съ мѣдной подъ бюстомъ доской, на которой вырѣзана была выдержка изъ завѣщанія Великаго Князя «Прощаніе съ моими дѣтьми военно-учебныхъ заведеній», а на задней стѣнѣ—портретъ, во весь ростъ, Государя Николая Павловича. По воцареніи Императора Александра Николаевича, портретъ его, также во весь ростъ, поставленъ былъ на той же стѣнѣ, а на правой, возлѣ входа въ первую камеру, около оконъ, вѣшана была бѣлая мраморная доска, окруженная золотымъ лавровымъ вѣнкомъ съ офицерскимъ Георгіемъ 3-й степени на верху и распущенной георгіевской лентой: на скрижали этой высѣчены были фамиліи георгіевскихъ кавалеровъ, воспитанниковъ инженернаго училища. «Францъ-Эдуардъ Тотлебенъ» открылъ собою эту доблестную лѣтопись.

Пройдя залъ, первую и вторую камеры (спальни), мы вошли въ фельдфебельскую, гдѣ, на порогѣ небольшой дежурной комнаты, насъ встрѣтилъ дежурный офицеръ, штабсъ-капитанъ Ѳ. В. Е-й, сутуловатый,

добродушный саперъ, въ шюртукѣ съ эполетами и шарфѣ, съ каской безъ султана въ лѣвой рукѣ.

— Честь имѣю явиться! пробормоталъ я несовсѣмъ твердо.

— Ну, въ добрый часъ! потрепалъ онъ меня по плечу;—Отыщите свое мѣсто... Должно быть въ большой камерѣ... Росту вы не Богъ вѣсть какого... до праваго фланговаго далеко*).

Пошелъ я въ большую камеру черезъ круглую: встрѣтилъ меня дежурный портупей-юнкеръ, съ тесакъ и повязаннымъ на немъ серебрянымъ темлякомъ, на широкой бѣлой перевязи черезъ плечо и съ каскою безъ султана **) въ лѣвой рукѣ.

— Что, рябецъ, тросу празднуете?.. Какъ фамилія? (Я сказалъ)—Кувшиновъ! окликнулъ онъ проходившаго вахтера:—Покажи ему койку... Да смотрите, рябецъ, къ повѣсткѣ не опоздайте... Знаете къ чему повѣстка?

— На молитву, отвѣтилъ я.

— Хорошо. А потомъ соберитесь всей командой въ комнату гдѣ Митрофановъ сидитъ, кривой чортъ, что платье чинить,—тамъ князь М. голоса будетъ пробовать, въ пѣвчіе выбирать... Пу, идите...

Всѣ новички назывались «рябцами». Прозвучи это, по преданію, произошло будто бы отъ того, что во время оно одна важная особа назвала новичковъ рябчиками, которыхъ старшимъ слѣдуетъ пощипывать для приученія ихъ къ суровому военному режиму и къ хорошей выправкѣ. Отъ рябчика и произошло слово «рябецъ» ***).

Камера, въ которую привелъ меня вахтеръ Кувшиновъ, выходила окнами на Фонтанку и была дѣйствительно большая, въ ней стояло около семидесяти коскъ, размѣщенныхъ въ четыре ряда: два посреди, одинъ по передней стѣнѣ, между окнами, и одинъ по задней. Койка моя пришлась къ счастью на задней стѣнѣ, возлѣ чулана съ чайными погребцами (о нихъ я скажу ниже). Кровать была желѣзная, окрашенная въ зеленую краску, недурной матрацъ и сѣрожелтое, подшитое простыней, байковое нетолстое одѣяло. Въ головахъ, на желѣзной палкѣ, окрашенной тоже въ зеленую краску, надѣтъ былъ зеленый (въ лежачемъ положеніи) овалъ съ золотымъ ободкомъ и моей фамиліей золотыми буквами, сверху—маленькій зеленый ярлычекъ съ номеромъ. У кондукторовъ чиновныхъ фамиліи писались иначе: у фельдфебеля—на золотомъ фонѣ красными буквами, у старшаго (капральнаго) портупей-юнкера—на красномъ фонѣ золотыми, у младшаго портупей-юнкера—на красномъ фонѣ серебряными буквами, у ефрейтора только ярлыкъ съ номеромъ былъ красный. Между кроватями стояли столики для занятій, съ ящиками для книгъ и шкапчиками внизу для вещей, а около шкапчиковъ—табуреты, на которые, ложась спать, воспитанники укладывали свое платье и бѣлье. Для занятій имѣлись низенькіе мѣдные подсвѣчники съ пятериковою стеариновою свѣчей.

Вахтеръ Кувшиновъ, снисходительно входя въ мое тяжелое «рябцовское» положеніе, счелъ за нужное объявить мнѣ, что онъ—старшій надъ сторожами въ большой камерѣ, что онъ распорядится, если мнѣ будетъ угодно, чисткой мнѣ сапогъ и отбѣлкой амуниціи и вечернимъ чаемъ и прочимъ, что мнѣ, «рябцу», было извѣстно только отчасти. Кромѣ того Кувшиновъ предупредилъ меня, что мой капральный

портупей-юнкеръ К. скоро вернется изъ отпуска и мнѣ необходимо явиться къ нему, что человекъ онъ хорошій, своего кондуктора въ обиду не дастъ, но и самъ спуску давать не любитъ, въ особеннѣсти по фронту, такъ какъ былъ прежде лихимъ ординарцемъ: «на дворцовой площадкѣ или въ манежѣ, когда присутствовали пріѣзжіе принцы, не одинъ разъ къ Государю Императору подходилъ».

Въ 9³/₄ часа пробилъ барабанъ повѣстку, рота, далеко неполная, выстроилась въ рекреационномъ залѣ развернутымъ фронтомъ, тыломъ къ окнамъ. Новички были конечно всѣ на лицо. Передъ фронтомъ помѣстился дежурный офицеръ (командиръ роты не всегда присутствовалъ), фельдфебель и дежурный портупей-юнкеръ. Фельдфебель скомандовалъ «смирно» и «на лѣво», чтобы повернуться лицомъ къ образцу, а дежурный портупей-юнкеръ, снявъ каску, прочелъ «Отче нашъ». По пробитіи «отбоя», фельдфебель скомандовалъ «скорымъ шагомъ маршъ», рота разбѣлалась по камерамъ, а барабанщикъ обошелъ ихъ съ боемъ вечерней зари. Тогда началось знакомство старшихъ кондукторовъ съ «рябцами», спрашивались фамиліи, задавались вопросы: какъ зовутъ начальника училища, ротнаго командира, офицеровъ, высшихъ властей инженернаго вѣдомства, директоровъ военно-учебныхъ заведеній и проч., требовали объясненія нѣкоторыхъ училищныхъ терминовъ, предлагались любительскими и глупые вопросы, напримѣръ: «что самое трудное?» бойкій рябецъ отвѣчалъ: «плюнуть въ окна четвертаго этажа, сбѣжать по лѣстницѣ и плевкомъ поймать», «отчего Кавказа видъ не похожъ на супъ перловый?»—«Оттого что льяный жидъ, на пути любви терновой, обронилъ тамъ листъ лавровый!»—«Отчего у лошадей не растутъ во рту лимоны?»—«Оттого что у Дидоны на помадѣ для сельдей не достало трехъ рублей»,—и т. под. Потомъ началась проба голосовъ; инженерный хоръ, съ придачею артиллеристовъ (между инженернымъ и артиллерійскимъ училищами существовала традиціонная дружба), славился въ лагеряхъ; репертуаръ составленъ былъ болѣе изъ военныхъ пѣсенъ, но исполнялись и народныя. Регентами, въ мое время, были князь М. и М.—ъ. Церковному пѣнію обучалъ Серебрянскій, теноръ изъ придворной капеллы. Въ пѣвчіе шли охотно, такъ какъ они пользовались нѣкоторыми льготами: послѣ царскихъ панихидъ или молебновъ, отпускали на весь вечеръ по домамъ, возились на казенный счетъ въ театры, являлись изъ праздничныхъ отпусковъ часомъ позже другихъ кондукторовъ.

Аккуратные изъ портупей-юнкеровъ, а также и нѣкоторые, старшіе воспитанники, «изъ добрыхъ», слѣшили наставить новичковъ «на путь истинный», рисовали передъ ними идеалъ «настоящаго» кондуктора, объясняли имъ ихъ обязанности къ начальству, къ старшимъ, къ товарищамъ. Затѣмъ рябцамъ приказано было идти спать. Имъ показали какъ складывать по формѣ синіе, полосатые чаклы, которыми на день покрывались кровати, платье и бѣлье и сдѣлано предупрежденіе «вскакивать утромъ съ постелей горошкомъ, при первыхъ звукахъ барабана».

Въ учебномъ отношеніи училище раздѣлялось на четыре класса, называвшіеся «кондукторскими», такъ какъ воспитанники назывались «кондукторами» (то-же что юнкера). Первый классъ былъ самый старшій, четвертый—самый младшій. Первый классъ безгранично властвовалъ надъ третьимъ и четвертымъ, второму подчинялся одинъ четвертый. Власть старшихъ классовъ была огромна: не говоря уже о чиновныхъ кондукторахъ, официально имѣвшихъ право ставить провинившихся, въ свободное отъ занятій время, подъ ружье *) и оставлять безъ отпуска, старшіе воспи-

*) Въ камерахъ кондукторы, за исключеніемъ чиновныхъ, размѣщались по росту, причемъ правымъ флангомъ была первая камера. Въ каждомъ взводѣ (капральствѣ) были койки старшаго и младшихъ портупей-юнкеровъ. Въ фельдфебельской, небольшой комнатѣ о двухъ окнахъ, сналъ фельдфебель и, по большей части его пріятель.

**) Каска съ султаномъ полагалась для дежурныхъ только въ табельные дни.

***) Въ сѣверныхъ губерніяхъ рябчика называютъ и теперь «рибцомъ», «рябкомъ», «рябочкомъ».

*) Поставленный «подъ ружье» ни подъ какимъ видомъ не смѣлъ сойти съ мѣста; выбиралось обыкновенно ружье по-

танники первого и второго классовъ, въ предлагать ихъ келейной власти, продѣлывали то-же самое *) и начальство смотрѣло на это сквозь пальцы. Не преслѣдовало оно и болѣе секретное право требовать къ себѣ виновнаго для полученія наказанія... тѣлеснаго. Практиковалось оно нерѣдко, но, надо сказать правду, только кучкой любителей и обыкновенно за болѣе или менѣе серьезный проступокъ. Лишь въ случаѣ упорнаго неповиновенія новичковъ или открытаго сопротивленія ихъ кому-либо изъ старшихъ, что впрочемъ случалось крайне рѣдко,—вступались за него товарищи.—«Явитесь ко мнѣ!» приказывалъ старшій, назначая время и мѣсто. Являлись по большей части вечеромъ, передъ отходомъ ко сну, въ «кавалергардской формѣ», т. е. въ нижнемъ бѣльѣ. Пациенту предлагалось встать «въ позу», иными словами нагнуться такъ, чтобы тѣло провинившагося образовывало ту-ной уголь. Орудіями наказанія служили линейка и каучуковый хлыстъ зимою, птыкъ и ружейный шомполъ—лѣтомъ, въ лагеряхъ. Ударовъ давалось иногда до двадцати (въ исключительныхъ случаяхъ), чаще отъ трехъ до десяти. Просить прощенія, а тѣмъ болѣе плакать или кричать, воспрещалось подъ страхомъ усиленія наказанія, да и самими наказуемыми считалось позорнымъ.

Эти крѣпостныя отношенія старшихъ воспитанниковъ къ младшимъ, какъ мы слышали, развились въ особенности съ того времени, когда въ училище допущенъ былъ пріемъ сыновей кушцовъ, конечно съ большими ограниченіями; очень можетъ быть, что дѣти Китъ Китычей, насмотрѣвшись дома на царство кулака, перенесли въ училище грубыя привычки роднаго очага. Во всякомъ случаѣ этотъ палочный режимъ въ инженерномъ училищѣ былъ до нельзя строгъ: ни въ немъ, ни въ артиллерійскомъ училищѣ наказаніе розгами, какъ это заведено было въ корпусѣхъ, не практиковалось, такъ какъ воспитанники этихъ двухъ училищъ, съ поступленія въ нихъ **), считались уже на дѣйствительной службѣ, которая при-считывалась къ пенсіонному сроку.

Въ строевомъ отношеніи училище составляло роту изъ 126 человѣкъ и имѣло ротнаго командира (полковника), четырехъ взводныхъ офицеровъ и одного запаснаго, дежурившихъ въ ротѣ, по очереди, сутки и ходившихъ съ ротою во фронтъ на ученьяхъ и парадахъ ***). Въ ротѣ были слѣдующіе чины: фельдфебель, четыре португей-юнкера (унтеръ-офицера) старшихъ или капральныхъ, восемь младшихъ и ефрейторы. Фельдфебель и португей-юнкера принадлежали къ первому классу, а ефрейтора къ первому и второму. Фельдфебель пользовался большою официальною властію и значеніемъ. Онъ могъ лишить отпуска, на одинъ праздничный день, цѣлый четвертый или третій классъ (что и бывало) и посадить любого воспитанника изъ этихъ классовъ подъ кратковременный арестъ. Не только дежурные офицеры, но и командиръ роты называли фельдфебеля иначе какъ по имени и отчеству и только начальникъ училища называлъ его по фамиліи. Изъ отпуска фельдфебель являлся позже всѣхъ и каждый день вечеромъ, если

тяжелѣе и, при прежнемъ держаніи его въ лѣвой рукѣ «подъ прикладъ», рука скоро затекала. Иногда давали провинившемуся по ружью въ каждую руку, а если проступокъ былъ крупный или наказавшій жестокъ—то помѣщали еще и третье, поперекъ, зацѣпляя его за ружейные ремни.

*) Рабы скрывали только, что наказаны безъ отпуска, объясняя для виду что или больны или идти не къ кому. Бойкиихъ родственниковъ упрашивали не возбуждать дѣла, пугая ихъ возмездіемъ, которое неминуемо падаетъ на голову наказаннаго.

**) Върѣе съ полученія погоновъ, которые давались смотря по поведенію и фронтовымъ успѣхамъ.

***) Гвардіи капитанъ А. И. Савельевъ (впослѣдствіи ротный командиръ), капитанъ В. И. Винтеръ, штабсъ-капитанъ О. В. Еллинскій, поручикъ Рудовскій, поручикъ Назанскій и поручикъ К. С. Семеновъ. Послѣдній былъ опредѣленъ по назначенію А. И. Савельева ротнымъ командиромъ.

служба и уроки позволяли, могъ, сказавшись командиромъ роты, уходить со двора. Ему одному разрѣшено было носить *свое* платье и шинель подбитую (до талии) байкой вмѣсто холстины. Фельдфебелемъ и въ португей-юнкера выбирали молодыхъ людей не только лучшихъ по успѣхамъ въ наукахъ, но по поведенію и по фронту, но и приличныхъ по виду. Обращалось также вниманіе на распорядительность и энергичность. Ротные офицеры, даже самые лучшіе, какъ власть, очень мало значили: въ случаяхъ крупныхъ беспорядковъ они всегда обращались къ фельдфебелю и тотъ, смотря по инциденту, дѣйствовалъ или самъ лично, официально, или черезъ своихъ товарищей, келейно.

Въ первой половинѣ пятидесятыхъ годовъ, ротнымъ командиромъ былъ полковникъ Даніилъ Антоновичъ Скалонъ, высокій, плотный, съ загорѣлымъ лицомъ, уже немолодой—онъ представлялъ изъ себя типъ фронтовика: держался прямо, старался выказать себя строгимъ и говорилъ отрывисто, точно командовалъ. Относительно начальника училища онъ поставилъ себя довольно независимо. Провинившихся воспитанниковъ, въ горячую минуту, пушилъ какъ говоритъ «во всю», не рѣдко наказывалъ, а въ серьезныхъ случаяхъ всегда отстаивалъ виноватаго. Подъ грубоватою внѣшностію, Д. А. скрывалъ добрейшее сердце. Помнится мнѣ какъ, въ лагерѣ, заболѣлъ у насъ сильнѣйшимъ тифомъ одинъ изъ кондукторовъ; Д. А. почти каждый день, въ свободное время, заходилъ въ отрядный лазаретъ, усаживался около больного и вѣткой отмахивалъ отъ него мухъ! А какъ этотъ милый человѣкъ обрадовался когда, послѣ долгаго выздоровленія, юноша вернулся въ роту! Мы всѣ видѣли какъ Д. А. расцѣловалъ его, какъ родного сына, и какъ крупныя слезы сверкнули изъ подъ нависшихъ бровей стараго сапера! Конецъ его жизненнаго поприща вполне соотвѣтствовалъ его жизни: произведенный въ генералы, онъ получилъ мѣсто бригаднаго начальника гдѣ то на югѣ, посѣщалъ переполненные тифозными больными госпитали, заразился и умеръ.

Замѣтившій его, прежній старшій офицеръ, гвардіи капитанъ Александръ Ивановичъ Савельевъ *) походилъ на Даніила Антоновича только добротой (онъ много и тайно помогалъ бѣднымъ воспитанникамъ): по внѣшности онъ былъ средняго роста, худощавый, весьма деликатный въ обращеніи человѣкъ, рѣдко раздражался, еще рѣже кричалъ не только на воспитанниковъ, но и на служителей. Замѣчанія дѣлалъ всегда вѣжливо, но наложенное наказаніе почти не отмѣнялъ. Своимъ относительно небольшимъ жалованьемъ онъ содержалъ старуху-мать и пожилую сестру-дѣвицу и мы видѣли какъ нѣжно предупредительно онъ къ нимъ относился. А. И. любилъ инженерное дѣло: много читалъ и печатался въ разныхъ военныхъ журналахъ, въ настоящее время, если не ошибаюсь, напечатано или печатается крупное его сочиненіе по инженерному искусству.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Главное (Николаевское) инженерное училище въ пятидесятихъ годахъ.

(Изъ воспоминаній).

(Продолженіе).

День въ училищѣ начинался съ семи часовъ утра; барабаникъ выбивалъ въ рекреационномъ залѣ первое колѣно утренней зари и затѣмъ проходилъ по всѣмъ камерамъ, деликатно умѣряя бой около коекъ портупей юнкеровъ и старшихъ кондукторовъ и усиливая его около младшихъ. Первыми, «горошкомъ», вскакивали ряды и шли мыться въ умывальную полутемную комнату, около первой камеры; затѣмъ вставали третьеклассники, а старшіе нѣжились. Дежурный офицеръ обходилъ камеры, торопилъ повичковъ и третій классъ и смотрѣлъ сквозь пальцы на переваливаніе съ боку на бокъ старшихъ. Къ половинѣ восьмого вставала вся рота; барабанъ билъ «на молитву»; на которую собиралось человѣкъ 70—80,—остальные занимались еще туалетомъ. Ротный командиръ не всегда являлся къ утреннему чаю, начальникъ училища—почти никогда; да вообще послѣдній посѣщалъ камеры только въ исключительныхъ случаяхъ. Рота, по командѣ фельдфебеля, шла въ столовую, круглую комнату, между большою камерой и лазаретомъ, па-рами; по пути догоняли запоздавшіе. Кондукторы становились за столами лицомъ къ образу, нѣли по барабанному бою, хоромъ молитву «Очи всѣхъ на Тя Господи, уповаютъ» и затѣмъ садились. Въ скоромные дни давали кофе (съ большимъ количествомъ ячменнаго и цикорнаго) съ молокомъ и булкой, въ постные—какую-то смѣсь кипятка съ патокой и духами, нѣчто въ родѣ сбитня. Безъ десяти минутъ восемь вставали изъ за стола, нѣли «Благодаримъ Тя, Христе Боже нашъ» и шли въ рекреационный залъ строиться по классамъ. Тутъ фельдфебель прочитывалъ дневной нарядъ разныхъ дежурствъ, назначенія на строевые ученія, въ мастерскія и пр. Въ восемь часовъ всѣ были въ классахъ и до девяти приготавливали уроки.

Классы помѣщались въ бѣлѣтажѣ, окнами въ лѣтній садъ. Изъ помѣщенія роты, по бѣлой мраморной лѣстницѣ, входили въ обширную пріемную; прямо изъ нея была дверь въ круглую конференцъ залу, съ золочеными украшеніями по карнизамъ и дверямъ, съ плафономъ и картиной, писанной на холстѣ масляными красками; по стѣнамъ стояли стеклянные шкафы съ геодезическими инструментами. Изъ конференцъ-залы переходили въ огромную высокую комнату—библіотеку, тоже съ росписнымъ плафономъ *); середину занималъ рядъ столовъ-шкафиковъ, по задней стѣнѣ высились въ два этажа громадныя книжныя шкафы; винтовая лѣстница вела въ верхній этажъ, отдѣлявшійся отъ нижняго легкимъ балкономъ съ рѣшеткой, между окнами выходившими на дворъ въ простѣнкахъ, тоже были шкафы, часть которыхъ наполнена была книгами завѣщанными училищу Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ. Библіотека училища считалась богатою по спеціальнымъ инженернымъ отдѣламъ.

Изъ библіотеки посѣтитель входилъ въ артиллерійскій и инженерный музей, длинный залъ съ цилиндрическимъ, лѣпнымъ потолкомъ, шкафами съ различными орудіями инженернаго и артиллерійскаго дѣла, снарядами и проч. и большими витринами, въ которыхъ красовались великолѣпныя модели артилле-

*) Только въ конференцъ-залѣ да въ библіотекѣ и уцѣлѣли плафонныя картины и золоченыя украшенія карнизовъ, наличниковъ и дверей; изъ другихъ комнатъ картины вывезены, а золотая отдѣлка закрашена бѣлой клеевой краской! Откозупывая ее изъ любопытства, мы возстановляли блестящіе

рійскихъ орудій (полевыхъ, горныхъ и осадныхъ), обозовъ, понтонныхъ парковъ, съ упряжью и со всѣми принадлежностями, въ уменьшенномъ, но совершенно вѣрномъ, масштабѣ. Изъ артиллерійскаго былъ выходъ на большую парадную *) лѣстницу, ведущую въ помѣщенія начальника училища и инженернаго департамента.

Направо изъ приѣмной открывался огромный модельный залъ; модели фортификаціонныхъ работъ, системъ крѣпостей, военныхъ зданій и пр. размѣщались на большихъ столахъ и окружены были балюстрадай. Въ стѣны зала, въ простѣнкахъ оконъ, вѣшаны были сѣрыя мраморныя доски, съ именами офицеровъ, окончившихъ первыми офицерскіе классы училища (впослѣдствіи академіи). У средней двери, ведущей на балконъ, стоялъ столъ, у котораго обыкновенно сидѣлъ дежурный офицеръ и собирались, въ перемѣны, инспекторъ классовъ и преподаватели. Приходилъ туда изъ конференцъ-залы и начальникъ училища. На лѣво изъ модельной шла цѣлая анфилада первый, второй и третій классы и комната передъ ротную церковь **), въ которой продавались свѣчи; дверь въ нее отворялась только во время богослуженій. Изъ третьяго класса, налѣво, дверь вела въ небольшую, плохо освѣщенную комнату (окнами на маленький дворъ)—въ четвертый классъ, называвшійся по своей неприглядности «Камчаткой». Первые три класса были большія, высокія, свѣтлыя комнаты; по стѣнамъ стояли шкафы для чертежныхъ досокъ. Черные, съ горизонтальною верхнею доской, столы съ лавками и ящиками, со вѣшанными чугунными чернильницами, поставлены были перпендикулярно къ окнамъ, такъ что свѣтъ приходился съ лѣвой стороны; широкій проходъ оставленъ былъ между окнами и учебными столами. Каедръ не было; для преподавателя ставился столъ, вплотную къ первому ученическому столу, и кресло обитое черной кожей.

Направо изъ модельной входили въ младшій офицерскій классъ (впослѣдствіи теоретическое отдѣленіе академіи), потомъ въ физическій кабинетъ и старшій офицерскій классъ (практическое отдѣленіе академіи); въ смежный «Георгіевскій залъ», съ чудными моделями крѣпостей входили только съ профессорами, по мѣрѣ надобности.

При этомъ мнѣ вспоминается какъ въ концѣ 1854 или въ началѣ 1855 года мы были напуганы приѣздомъ Государя Николая Павловича. Было около двухъ часовъ дня. По обыкновенію, передъ тѣмъ, чтобы идти обѣдать, мы умывались и надѣвали новыя куртки. Вдругъ донесся до насъ, обитателей большой камеры крикъ: «по кроватямъ!» ***) Сломая голову, застегиваясь на ходу, бросились мы къ койкамъ. Изъ первой камеры долетѣло до насъ, какъ бы робкое: «Здравія желаемъ Ваше Императорское Величество!», затѣмъ раздался металлическій тембръ Государя, раздраженно выговаривавшаго кому-то, и вскорѣ показалась Его высокая мощная фигура. За нимъ шелъ старикъ инженеръ—генералъ Ф., со склоненною головою, и молча выслушивалъ упреки разгнѣваннаго монарха. У многихъ изъ насъ захолонуло сердце. Впрочемъ Государь милостиво поздоровался съ нами, но прошелъ молча, безъ обычныхъ привѣтовъ, и мы не посмѣли проводить его, по обыкновенію, на крыльцо. Поводомъ къ гнѣву Государя, какъ мы потомъ узнали, послужило то, что генералъ Ф. разрѣшалъ осматривать модели нашихъ крѣпостей, даже иностранцамъ, и между прочимъ Севастополя, который тогда уже находился въ осадѣ.

*) Во времена Императора Павла.

**) Эта ротная церковь была устроена въ самомъ концѣ пятидесятыхъ годовъ, а до этого кондукторы и всѣ жившіе въ инженерномъ замкѣ посѣщали храмъ, бывший дворцовый, выходившій на Большую Садовую.

***) Послѣ этой команды, каждый кондукторъ становился въ концѣ своей кровати, въ промежутокъ съ сосѣдней.

Въ девять часовъ приходили учителя и начинались занятія. Въ каждомъ классѣ былъ старшій и его замѣститель. Обязанности старшаго заключались въ полученіи отъ бібліотекаря, по требованіямъ преподавателей, канцелярскихъ принадлежностей и учебныхъ пособій, въ исполненіи приказаній учителей и докладѣ начальству и почетнымъ посѣтителямъ о состояніи класса.

До 11^{1/2} часовъ было два урока, съ перерывомъ на четверть часа. Начало и конецъ урока возвѣщались барабаномъ. Въ половинѣ двѣнадцатаго выходили изъ классовъ и спускались въ камеры. Завтрака не полагалось; для желающихъ выставленъ былъ въ столовой, нартзаный ломтями хлѣбъ и квасъ въ графинахъ. И хлѣбъ и квасъ не отличались доброкачествомъ: первый почти всегда былъ съ закаломъ, а второй варился изъ подгорѣвшаго солода и отзывается горечью. Большинство покупало на свои деньги, а чаще брало въ долгъ у буфетчика, криваго Галкина, бутерброды и сладкіе пирожки, называвшіеся «пряниками». Лавочка Галкина помѣщалась въ окнѣ столовой, изъ котораго обыкновенно принимались служителями блюда съ кушаньями. Воспитанники побогаче дѣлали складчину и посылали сторожей или въ колбасную Людекенса, на Симеоновской, за «кнаквурстами» (толстыя вѣнскія сосиски съ бульономъ) и вареной колбасой или въ кондитерскую Файе, на Караванной, за горячими пирожками.

Въ половинѣ перваго у рябцовъ начиналось строевое одиночное или переносное ученіе, которое производили командированные для этого саперные унтеръ-офицеры. Въ концѣ ученія являлся дежурный офицеръ, а иногда и командиръ роты; чаще-же фельдфебель или кто-либо изъ портупей-юнкеровъ и результатомъ этого смотра, зачастую, бывало стояніе подъ ружьемъ или лишеніе отпуска. Воспитанники другихъ классовъ, по наряду или по желанію, отправлялись въ мастерскія, помѣщавшіеся въ трехъ комнатахъ за рекреационнымъ заломъ, воспитанники обучались плотничному, столярному и токарному ремесламъ, а также каменной кладкѣ и приготовленію разныхъ растворовъ и цементовъ. Кладли стѣнки, своды и даже небольшіе казематы. Для этой цѣли заготовлены были особые кирпичи, въ значительно уменьшенномъ, противъ настоящихъ, размѣрѣ. Большинство кондукторовъ любило эти занятія, въ особенности токарное и столярное ремесла.

Въ два часа занятія кончались; многіе (рябцы обязательно) шли мыться и затѣмъ всѣ переодѣвались въ новыя куртки, которыя тотчасъ-же послѣ обѣда снимались. Дѣлалось это въ ожиданіи посѣщеній высокихъ особъ. Государи Николай Павловичъ и Александръ Николаевичъ часто посѣщали училище, въ особенности камеры и лазаретъ. Николай Павловичъ любилъ заглядывать и ночью, причемъ осматривалъ сложенное на табуретахъ платье и бѣлье и провѣрялъ исправность дежурныхъ служителей и фельдшеровъ. Случалось что и днемъ, обходя выстроенныхъ «по кроватямъ» кондукторовъ, Государь вдругъ останавливался передъ кѣмъ-либо изъ воспитанниковъ, приказываясь ему раздѣваться—и горе начальству если на юношѣ оказывалось бѣлье недостаточно чистое или замѣчался бозпорядокъ въ одеждѣ. Но при мнѣ этого не случалось: начальство наше, зная Государя, всегда было на чеку и за неряшливымъ кондукторомъ слѣдило внимательно.—Великій Князь Николай Николаевичъ навѣщалъ насъ уже въ царствованіе Александра II и большею частью во время годовыхъ экзаменовъ; мы очень рады бывали его посѣщеніямъ, такъ какъ при немъ невозможны были придирки или несправедливости нѣкоторыхъ преподавателей, и всегда сожалѣли о краткости пребыванія его на экзаменахъ. Приѣзжала къ намъ и супруга Великаго Князя, Великая Княгиня Алексан-

дра Петровна, часто одна; садилась въ кресло и окружала себя воспитанниками. Держала она себя совершенно доступно и была крайне добра и привѣтлива. Изъ высшаго начальства посѣщали насъ: начальникъ штаба военно-учебныхъ заведеній І. И. Ростовцевъ и начальники штаба инженернаго корпуса В. Г. Политковскій и замѣстившій его К. П. фонъ-Кауфманъ *). Послѣдніе двое вступали съ нами въ военно-научные разговоры, сообщали намъ (во время восточной войны) новости съ береговъ Дуная, изъ Крыма и посвящали насъ въ подробности инженерныхъ работъ подъ Севастополемъ и подвиговъ офицеровъ и солдатъ. Съ большимъ вниманіемъ слушали мы эти рассказы, въ особенности неторопливую, симпатичную рѣчь Константина Петровича (Кауфмана). Хорошо было въ этихъ разсказахъ то, что, обращеніемъ своимъ, крайне близко становились къ намъ, юношамъ, эти пожилые генералы-начальники, такъ близко, что мы нисколько не затруднялись и переспросить ихъ иной разъ и попросить вторичнаго объясненія непонятаго нами.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Главное (Николаевское) инженерное училище въ пятидесятихъ годахъ.

(Изъ воспоминаній).

(Продолженіе).

Въ половинѣ третьяго рота, по барабану, строилась къ обѣду: являлся ротный командиръ. Фельдфебель командовалъ: «рота налѣво, скорымъ шагомъ маршъ!» и воспитанники, съ дежурнымъ портупей-юнкеромъ во главѣ, шли парами въ столовую; шестые замыкали ротный командиръ, дежурный офицеръ, фельдфебель и барабанщикъ. По пробитіи повѣстки, пѣлась хоромъ предъобѣденная молитва и воспитанники садились за столы. На концахъ каждого стола сидѣли портупей-юнкера, а въ головѣ средняго фельдфебель. Ротный командиръ и дежурный офицеръ стояли обыкновенно у окна, гдѣ на особомъ столикѣ ставилась пробная порція. Супъ разливали портупей-юнкера. Сервировка была незатѣйливая: оловянные миски и блюда, рыночные, толстаго стекла стаканы и очень дешевый фаянсовый сервизъ. Меню обѣда состояло изъ трехъ блюдъ: горячаго (супъ, борщъ, щи, въ посту горохъ, какаянибудь жиденькая похлебка) съ большими, изъ тяжелой гѣста, пирожками или гречневой кашей на сковородѣ, мяснаго (говядина, солонина, рубленныя котлеты съ морковнымъ, картофельнымъ или бобовымъ соусомъ) и пирожнаго (желе, сладкіе пироги, кисели, а въ посту—«armer Ritter», т. е. ломти бѣлаго хлѣба, намоченные въ миндальномъ молокѣ, съ двумя-тремя ягодами варенья на верху, алашки и дешевые компоты). Мясное блюдо замѣнялось въ посту жареной плоховатой рыбой или вареной мелкой корюшкой или ряпушкой, съ капустнымъ соусомъ, или размазней на постномъ маслѣ. Вообще кормили насъ худо. Для чиновныхъ кондукторовъ существовало странное положеніе: фельдфебелю отпускалось три, а портупей-юнкерамъ по двѣ порціи cadaго кушанья, какъ будто полученіе напивковъ должно было увеличивать аппетитъ!

На эконома, гарнизоннаго поручика И., кондукторы постоянно злились и при всякомъ удобномъ случаѣ старались выместить на немъ свое дурное питаніе. И. зналъ это и потому тщательно избѣгалъ встрѣчъ со своими недругами: во время обѣда или ужина онъ никогда не появлялся въ столовой (развѣ въ экстренныхъ случаяхъ, когда начальство потребуетъ) и распоряжался подачей блюдъ изъ окна криваго Галкина. За то кондукторы, при пріѣздахъ высокихъ

особъ, когда эконому шелъ сзади ихъ въ общей свѣтѣ, безцеремонно щипали его, и довольно внушительно, зная что онъ вынужденъ будетъ вынести боль безъ малѣйшаго протеста.

Отъ 3 до 4 часовъ, большинство воспитанниковъ гуляло на плацу, обращенномъ къ Лѣтнему саду, а нѣкоторые изъ старшихъ валялись на постеляхъ или спали; дежурный офицеръ не обращалъ на это вниманія. Около четырехъ часовъ шли въ классы, на третій и четвертый уроки, и оставались тамъ до семи. Въ семь часовъ спускались въ камеры и до половины восьмага пили свой чай (конечно состоятельные); казеннаго, ни чая ни сбитня, не полагалось. Для чаепитія составлялись кучки въ два-четыре человека, которые сообща заводили самоваръ и поочередно покупали чай, сахаръ, лимоны или лимонную кислоту, иногда булки или бублики. Погребцы и чайныя шкатулки хранились въ особомъ чуланѣ (въ большой камерѣ), подъ надзоромъ служителей, которые грѣли самоваръ и закупали принадлежности къ чаю. Мѣсячная плата служителю, съ каждаго воспитанника, простиралась отъ пятидесяти копѣекъ до рубля. Съ половины восьмага до девяти были слѣдующія занятія: по понедѣльникамъ—фехтованіе на рапирахъ и бой на сабляхъ и штыкахъ, подъ руководствомъ извѣстныхъ инструкторовъ Соколова и Вентенбрюка; по вторникамъ—урокъ танцевъ (сплошь и рядомъ кончавшійся только передъ ужиномъ) милѣйшаго M-g Dutac'a, причемъ кондукторами, отъ себя, нанимались четыре музыканта *); въ среду—баня. Рябцы и третьеклассники ходили въ баню цѣлыми классами, подъ надзоромъ дежурнаго ефрейтора, и больше пачкались тѣмъ мылись; второй и первый классы—группами, не стѣняясь временемъ. Послѣ всѣхъ мылся фельдфебель съ пріятелями, причемъ обязанности банщиковъ исполняли камерные служители. Въ четвергъ производилось для рябцовъ повторное ученіе, т. е. собственно сборка и разборка повторныхъ, въ пятницу—строевое ученіе, а для желающихъ изъ другихъ классовъ открывались мастерскія **). Въ субботу, по окончаніи вечерней лекціи (наканунѣ праздниковъ полагалась только одна лекція), воспитанники переодевались въ мундиры и увольнялись въ отпускъ, съ выдачею билетовъ, причемъ отсутствіе на кровати праздничной одежды и оружія обозначало оставленіе безъ отпуска и часто бывало сюрпризомъ для новичковъ и третьеклассниковъ.

При Императорѣ Николаѣ Павловичѣ, мундиръ нашъ былъ однобортный, съ короткими фалдами, на красной бязевой подкладкѣ, воротникъ черный суконный, съ красными кантами по верхнему и нижнему (ученый) краямъ съ серебрянымъ галуномъ вокругъ и серебряной петлицей, рукава обшитые такимъ же галуномъ съ двумя галунными петличками, пуговицы серебряныя съ сіяніемъ ***), погоны красные, брюки черныя съ красною выпушкой. Кармановъ не полагалось; носовой платокъ носился въ лѣвомъ рукавѣ, который для этой цѣли кроился шире, а деньги укладывались въ языкъ галстуха, къ которому пришивалась сумочка. При обыкновенной формѣ, носился черезъ

*) Танцовали всегда въ бѣлыхъ замшевыхъ перчаткахъ; мытые ихъ, нѣкоторыми изъ старшихъ, поручалось иногда рябцамъ.

**) Изрѣдка, по четвергамъ или пятницамъ, по указаніямъ преподавателя фортификаціи, воспитанниками четвертаго и третьяго классовъ производились въ задней комнатѣ амунитичка, гдѣ стоялъ большой, на козлахъ, ящикъ съ сырымъ пескомъ, трассировки и постройки полевыхъ укрѣпленій (батарей, редутовъ, люнетовъ и пр.), въ небольшомъ масштабѣ, и одежда ихъ игрушечными турами и фашинами.

***) Для военно-учебныхъ заведеній установленъ былъ общій гербъ, золотой: въ небольшомъ полукругѣ орелъ, окруженный большимъ сіяніемъ; у артиллерійскаго училища, подъ орломъ, прибавлены были на крестъ сложенные пушки съ дымящейся посреднѣ бомбой, а у инженернаго, при бѣлой амуниціи.—два скрещенные топора, также съ дымящейся бомбой.

*) См. сборникъ циркуляровъ и инструкцій министерства юстиціи Сиб. 1873 года, стр. 468—470.

илечо, на отбѣленной *) перевязи, тесакъ сапернаго образца, а головнымъ уборомъ служила каска съ серебрянымъ сіяніемъ и чернымъ волоснымъ султаномъ. При полной формѣ надѣвалась патронная сума, пригонявшаяся сзади къ тесаку, шанцевый инструментъ **) и ранецъ съ отбѣленными ремнями, скрещивавшимися на груди.

Чиновные кондукторы отличались отъ рядовыхъ галунами нашивками: у ефрейтора поперечная, внизу погона ***), у младшаго портупей-юнкера вдоль погона, по срединѣ, у старшаго—кругомъ погона, у фельдфебеля—кругомъ и посрединѣ. Кромѣ того у фельдфебеля и портупей-юнкеровъ навязывались на рукавки тесаковъ серебряные офицерскіе темляки****).

При Императорѣ Александрѣ Николаевичѣ форма была измѣнена: вмѣсто мундира съ фалдочками, введенъ былъ двубортный полукафтанъ, съ бархатными закругленнымъ воротникомъ и обшлагами, на погоны данъ былъ желтый, высѣчной вензель Н I (и самое училище переименовано изъ «Главнаго» въ «Николаевское») и измѣнены отличія чиновныхъ кондукторовъ: фельдфебелю даны были широкая поперечная нашивка вверхъ погона и двойные галуны шевроны на рукава (но только угломъ къверху рукава), старшему портупей-юнкеру три узкія поперечныя нашивки вверхъ погона и одинъ галунный шевронъ на рукава, младшему—двѣ узкія поперечныя нашивки вверхъ погона, безъ шеврона, ефрейтору—одна узкая нашивка. Темляки оставлены были по прежнему. Бѣлые амуниці замѣнены были черными, лакированными, а тесакъ сталъ носиться на пояскомъ ремнѣ съ бронзовою пряжкой.

Время отъ 9 до 9½ часовъ предназначалось для приготовления уроковъ; потомъ ужинали *****) и, послѣ общей молитвы и пробитія вечерней зари, въ десять часовъ, ложились спать.

Но ложились только рябцы: даже третьеклассникамъ разрѣшено было заниматься еще часть—другой приготовленіемъ уроковъ, такъ какъ времени на это назначалось крайне мало (утромъ часть, отъ 8 до 9, и вечеромъ полчаса, отъ 9 до 9½), а курсы были велики; много уходило также времени на составленіе записокъ по разнымъ предметамъ, на редакцію ихъ и сдачу въ литографію. Казенныя руководства выдавались по весьма малому числу предметовъ, да и то въ ограниченномъ количествѣ,—приходилось покупать; на переписку записокъ химическими чернилами и на литографированіе ихъ тратилось тоже порядочно денегъ. Воспитанникамъ небогатымъ, неимѣвшимъ возможность покупать книги или записки, приходилось выпрашивать ихъ у товарищей и готовиться по нимъ, конечно, въ такіе часы когда владѣльцы ихъ или не нуждались уже въ нихъ или спали.

За то, относительно канцелярскихъ матеріаловъ и классныхъ принадлежностей, училище было даже щедрѣе: по требованію учителей, библіотекарь, капитанъ В-у, хотя и съ воркотней, выдавалъ старшему въ классѣ ватмановскую бумагу, краски, тушь, кисти, готовальни, гибкія линейки и пр.—все превосходнаго качества. Щедрость доходила до того, что напримѣръ, слоновая бумага и тушь выдавались по требованіямъ учителей французскаго и нѣмецкаго языковъ! Я помню, что кучка старшихъ воспитанни-

ковъ захотѣла какъ то заняться «военною игрою *), для чего понадобилось намалевать планы мѣстностей и, по требованію чуть ли не законоучителя, выдано было будущимъ стратегамъ (требовалось конечно на весь классъ) нѣсколько десятковъ листовъ ватмановской бумаги!

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) Отбѣленная перевязь—это былъ бѣлый, толстый изъ лосины ремень, на который накладывался слой мѣла съ клеемъ; по краямъ дѣлалась выпуклая отводка и затѣмъ, по надлежащей просушкѣ и шлифовкѣ, портупей правильно облегалась станъ, не трескалась и не гнулась; выходило красиво, но въ дождливую погоду мѣлъ растворялся и бѣлые потеки портили платье.

**) У второй шеренги лопата, у первой и третьей—топоръ или мотыга съ киркой.

***) По армейски; у гвардіи—вверхъ погона.

****) Въ корпусахъ темляки давались только фельдфебелямъ.

*****) Подавались два кушанья: котлеты съ какимъ нибудь соусомъ, размазня или каша съ масломъ и кисели.

а потому и слѣдовалъ мудрому правилу не выносить соръ изъ избы и прекращать всѣ непріятные инциденты въ самомъ началѣ и въ стѣнахъ училища. Бывшій кондукторъ, потомъ преподаватель и инспекторъ классовъ, онъ отлично зналъ всѣ училищныя распорядки и установившуюся систему гнета старшихъ воспитанниковъ надъ младшими и если не поддерживалъ послѣднюю открыто, то и не принималъ мѣръ для ея искорененія. Какъ человѣкъ опытный и умный, онъ понималъ, что дежурные офицеры—плохіе для него помощники, по части прекращенія безпорядковъ, и что одно грозное «явитесь ко мнѣ!» кондуктора чиновнаго или изъ старшихъ, для провинившагося, важнѣе всякихъ окриковъ и угрозъ не только дежурнаго офицера, но и командира роты. И потому онъ терпѣлъ этотъ режимъ и ласкалъ фельдфебеля и портупей-юнкеровъ, какъ дѣйствительную власть, на которую можно было опереться.

Инспекторъ классовъ, генералъ-маіоръ Вильдерлингъ, человѣкъ пожилой и прелестнѣйшая личность, котораго мы искренно любили и уважали, былъ въ загонѣ у начальника училища и игралъ очень невидную роль труженика, на котораго наваливали массу черной работы. Грѣшны были въ этомъ и учителя, пользовавшіеся мягкостію и уступчивостію Бильдерлинга. (О преподавателяхъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ).

Положеніе насъ, чистокровныхъ русскихъ, въ училищѣ далеко не было преобладающимъ: чуть не половину воспитанниковъ составляли католики и лютеране; послѣднихъ, впрочемъ, было человѣкъ десять. Начальникъ училища покровительствовалъ иновѣрцамъ (въ особенности полякамъ), на что категорически указываютъ мраморныя доски модельнаго зала: на нихъ, съ 1845 по 1861 годъ (періодъ директорствованія начальника училища), записано 26 фамилій; изъ нихъ русскихъ 5, нѣмецкихъ 3,—остальныя 18 принадлежатъ католикамъ. Тутъ «Владиславы», «Альфы», «Адамы», «Станиславы», «Казиміры» и друг. краснорѣчиво свидѣлствуютъ объ исключительныхъ инженерныхъ способностяхъ обитателей Западнаго края и о томъ, что способности эти признавались въ инженерномъ училищѣ гораздо охотнѣе, чѣмъ таковыя-же русскихъ воспитанниковъ.

Таланты Казиміровъ и Комп. ярко выяснились въ 1863 году, когда польское возстаніе стоило училищу восьми человѣкъ исключенныхъ изъ списковъ.

Впрочемъ племенной розни между русскими и поляками почти не замѣчалось; нерѣдки даже были случаи, когда тѣ и другіе искренно дружили между собою. Поляки держали себя съ большимъ тактомъ и хотя польскій языкъ постоянно слышался въ камерахъ, но мы, русскіе, этимъ не оскорблялись и никто изъ начальствующихъ не препятствовалъ этому; за то нѣмецкій языкъ почти отсутствовалъ.

Учились кондукторы вообще хорошо; учились осмысленно, съ твердымъ сознаніемъ необходимости окончить полный курсъ (съ офицерскими классами, а впоследствии съ академіей) инженеръ-поручиками и составить себѣ карьеру. Юношамъ, по большей части средняго достатка, конечно другаго и не оставалось, такъ какъ права окончившихъ курсъ въ инженерномъ училищѣ (и въ артиллерійскомъ тоже) были ниже окончившихъ въ школахъ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и въ пажескомъ корпусѣ, не смотря на то, что въ первыхъ двухъ училищахъ и научная программа была гораздо шире и свѣдѣнія приобрѣтались болѣе обширныя и умственное развитіе молодыхъ людей было выше. Воспитанники инженернаго училища выпускались инженеръ-прапорщиками, т. е. подпоручиками арміи, а воспитанники школы и пажи—гвардіи прапорщиками, т. е. поручиками арміи. Естественно, что кондукторамъ необходимо было идти въ офицерскіе классы, чтобы наверстать разницу въ чинѣ. Но и тамъ

Главное (Николаевское) инженерное училище въ пятидесятыхъ годахъ.

(Изъ воспоминаній).

(Продолженіе).

Начальникъ училища (потомъ и академіи) генералъ-лейтенантъ Z, былъ человѣкъ очень умный, ловкій, умѣвшій ладить съ высшимъ начальствомъ, что доказывается его долгимъ сидѣніемъ на директорскомъ мѣстѣ. Какой національности, какой религіи онъ былъ такъ и осталось для насъ неизвѣстнымъ. Ни любви, ни злобы мы къ нему не чувствовали. Держался онъ отъ насъ далеко, не любилъ исторій,

молодого инженеръ-прапорщика ожидали очень суровыя и, скажемъ отъ себя, крайне несправедливыя требованія: для перехода въ старшій офицерскій классъ (и полученія подпоручика) нужно было имѣть въ среднемъ 10 балловъ (при двѣнадцати-балльной системѣ), изъ всѣхъ специальныхъ предметовъ не менѣе 10 и изъ остальныхъ не менѣе 8! И это для полученія того же чина поручика арміи, который уже годъ назадъ, и при гораздо болѣе легкихъ условіяхъ, получилъ товарищъ по выпуску, воспитанникъ школы или пажескаго корпуса! А въ этотъ годъ кондукторъ учился, подпрапорщикъ же или пажъ наслаждались жизнью и получили годовое старшинство! Далѣе... Обошлось это благополучно: экзамены сошли удачно, инженеръ-прапорщикъ въ саперы не вылетѣлъ, а получилъ подпоручика и перешелъ въ старшій офицерскій классъ. Хорошо, если онъ, не получивъ поручика, сдать выпускной экзаменъ по второму разряду: его отправятъ подпоручикомъ въ строй и только годъ труда пропадетъ у молодого человѣка даромъ, но горе ему, если онъ окончитъ курсъ по третьему разряду: его ушлютъ тоже въ саперы, но съ обходомъ чиномъ одинъ или два раза! И такимъ образомъ подобный несчастливцевъ, хотя и худо, но прошедшій оба офицерскіе класса, могъ оказаться, въ близкомъ будущемъ, пониженнымъ въ своихъ служебныхъ правахъ даже въ сравненіи съ прапорщикомъ не перешедшимъ въ старшій офицерскій классъ!

Въ IV классѣ учились, но не занимались серьезно; любовь къ дѣлу, жажда познаній если и проявлялись—то только у нѣкоторыхъ, болѣе развитыхъ юношей. Правда, что у рядовыхъ и времени было мало и положеніе ихъ было угнетенное. Уже при переходѣ въ III классъ начиналось фильтрованіе состава воспитанниковъ и оканчивалось съ переводными экзаменами во второй. Въ эти два года число «убоявшихся премудрости» достигало нѣсколько болѣе десятка: уходили въ юнкера, въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ, въ лѣсной институтъ. Изъ второго класса не исключали, развѣ случался какой-нибудь особенный казусъ, но это бывало рѣдко. Лѣнтяя или малоспособнаго, развѣ уже онъ доползъ до второго класса, тащили за волосы, но не губили, зная что изъ младшаго офицерскаго класса такой субъектъ навѣрно самъ «испарится». Выпускали и для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ, но это уже было исключеніемъ: въ мое время случилось это только однажды.

Способности и таланты обнаруживались въ III классѣ, когда воспитанники попривыкли уже къ училищной жизни и дышали свободнѣе. Намѣчались спеціалисты... по математикѣ, фортификаціи и другимъ предметамъ. Все свободное время отдавалось этими личностями чтенію разныхъ сочиненій и руководствъ, на иностранныхъ языкахъ, которыми такъ богата училищная библіотека, причемъ худо знакомые съ ними читали со словаремъ въ рукахъ. Были и такіе, которые изучали, безъ руководителя, англійскій и итальянскій языки и на столько успѣшно, что переводили съ нихъ, конечно, съ помощью лексиконовъ. Приобрѣтенными внѣ класса познаніями щеголяли. Но и помню спеціалистовъ, не рѣдкость было увидать, въ перемѣны между лекціями или въ пустой урокъ, передъ черными досками, кучки воспитанниковъ рѣшавшихъ какую нибудь, но болѣе части математическую, задачу, придуманную кѣмъ-либо изъ кондукторовъ, или математическіе софизмы въ родѣ «часть больше цѣлаго», «хорда равна діаметру», «три больше четырехъ» и т. п. Многіе изъ старшихъ воспитанниковъ приходили въ классы объяснять младшимъ, смущавшимъ ихъ «камни преткновенія».

Музыка и поэзія имѣли тоже своихъ адептовъ, были хорошіе пианисты, порядочные скрипачи и виолончелисты. Поэты и беллетристы писали, на экза-

менахъ, на заданныя темы сочиненія въ стихахъ и прозѣ; нѣкоторые печатались даже въ журналахъ. Надъ поклонниками музъ не смѣялись и вообще къ изящнымъ искусствамъ относились съ уваженіемъ.

Черченіе (военно-инженерное, строителное, архитектурное, артиллерійское, ситуационное) было сильно развито въ училищѣ и требованія относительно успѣховъ, въ первыхъ трехъ родахъ черченія, представлялись къ кондукторамъ очень большія. Въ старшихъ классахъ черченіе связывалось уже съ составленіемъ проектовъ: разнаго рода военныхъ мостовъ, небольшихъ деревянныхъ и каменныхъ зданій, блокгаузовъ, батарей и полевыхъ укрѣпленій, на извѣстное число людей и орудій. Всѣ чертежи, за исключеніемъ архитектурныхъ, отдѣлывались сначала тушью, а потомъ покрывались красками, архитектурные же воспроизводились акварелью. Конечно не всѣ воспитанники обладали способностями хорошаго рисовальщика или акварелиста, а между тѣмъ, кромѣ толковаго составленія чертежа или проекта вчернѣ, требовалась отдѣлка его красками и вотъ, на помощь плохимъ иллюминаторамъ, призывались спеціалисты этого дѣла—крѣпостные кондукторы (чертежники) или, по училищному, «крѣпаки», которые за извѣстную плату окончательно отдѣлывали чертежъ или рисунокъ. Заказы эти дѣлались весьма таинственно, въ извѣстные часы и въ глухихъ закоулкахъ камеръ, не изъ боязни старшихъ кондукторовъ, которые сами это продѣлывали, а опасаясь дежурныхъ офицеровъ, которые могли накрыть «крѣпака» и сильно ему повредить. Что же касается преподавателей, то они почти всегда узнавали заказную иллюминировку и по «крѣпацкой» манерѣ отдѣлки и по тому, кто представлялъ работу и смотрѣли на это сквозь пальцы въ тѣхъ только случаяхъ, когда черныя и вычерчиваніе тушью сдѣланы были воспитанниками лично. По начертательной геометріи задачи рѣшались также путемъ специальныхъ чертежей, называвшихся «энюрами». Въ двухъ низшихъ классахъ къ черченію присоединялось еще рисованіе карандашемъ или тушью, съ натуры геометрическихъ тѣлъ, гипсовыхъ архитектурныхъ украшеній, ордеровъ и моделей крѣпостныхъ верховъ. Черченіе мѣломъ на доскѣ полевыхъ и долговременныхъ укрѣпленій, мостовъ, артиллерійскихъ орудій, зданій и частей ихъ изучалось болѣе самоучкой и многими было доведено до положительнаго совершенства: параллельныя линіи брустверовъ, напримѣръ, проводились такъ, что не говоря уже о прямизнѣ линій, разстояніе между ними было почти одинаково на всемъ протяженіи ихъ. Для достиженія красоты чертежа употреблялись извѣстные приемы: тонко очиненный мѣлъ, проведеніе линій не иначе какъ по сырой доскѣ, утолщеніе главныхъ и утоненіе второстепенныхъ линій. Чертежныя доски, въ столярномъ отношеніи были безукоризненны; хороши были также и губки для стиранія и мѣлки, тщательно очиненныя и завернутыя въ писчую бумагу.

Въ IV и III классахъ проходила вся полевая фортификація; курсъ былъ большой; хорошая нужна была память, чтобы заучить массу всевозможныхъ размѣровъ; преподавалъ предметъ поручикъ л.-гв. сапернаго батальона О. Б. Г.—ъ. Читалъ онъ недурно, но вало; чертилъ на доскѣ превосходно и, какъ человѣкъ аккуратный, требовалъ, чтобы «чертежники», т. е. снимки въ тетрадки, дѣлаемыхъ имъ на доскѣ чертежей были всегда опрятны и, по возможности, согласны съ масштабомъ. Чертежники для прочности, заносились въ книжку жесткимъ карандашемъ, а нѣкоторыми обливались молокомъ съ водой. Геометрію и тригонометрію преподавалъ инженеръ-полковникъ Лука Лукичъ Германъ, небольшого роста пожилой тостякъ, въ высшей степени невозмутимый, добродушный русскій нѣмецъ. Онъ очень своеобразно читалъ свой предметъ; передъ началомъ курса, на его

столь клалась кѣмъ-либо изъ воспитанниковъ (начала кто раньше успѣвалъ, а затѣмъ по очереди) читая брошюрованная тетрадь и ставился письменный приборъ. Лука Лукичъ читалъ лекцію и одновременно записывалъ ее въ эту тетрадь; потомъ это переписывалось химическими чернилами, сдавалось въ литографію и такимъ образомъ получались записки. До какой степени всѣ кондукторы любили Германа, видно изъ того, что сынъ его, такой же, рябецъ какъ и мы, въ память отца, ни разу не подвергался преслѣдованіямъ со стороны старшихъ. Военную Географію, въ III классѣ, читалъ инженеръ-подполковникъ Кадьянъ, человѣкъ весьма сосредоточенный и неразговорчивый, но на лекціяхъ мы заслушивались его—такъ картинно и увлекательно передавалъ онъ намъ свои знанія и наблюденія. Какъ теперь помню его блестящій рассказъ о проводѣ барокъ черезъ Мстинскіе пороги... Кадьянъ былъ настолько образенъ, реаленъ и вмѣстѣ съ тѣмъ поэтиченъ, что невольно каждому изъ насъ рисовалась и быстрая Мста, съ окружающимъ ее пейзажемъ, и масса народа на берегахъ, лихорадочно слѣдящая за мчащимися, извивающимися между горами камней, длинными барками съ находящимися на нихъ мужиками, бабами и подростками, отчерпывающими врывающуюся въ расходящиеся швы, воду и слышавшая рокотъ бьющихся о скалы волнъ, трескъ повреждаемыхъ барокъ и гомонъ людской толпы, то удрученный, то торжествующій, и надъ всѣмъ этимъ шумомъ—громкій, властный и нервный крикъ лодмановъ и затѣмъ громовое, побѣдное «ура»!

Во II и I классахъ фортификацію (долговременную), военныя сообщенія и минное искусство преподавалъ инженеръ-полковникъ X., человѣкъ пристрастный и злопамятный. Читалъ онъ монотонно, не вносилъ въ свои лекціи почти ничего своего и изъ года въ годъ повторялъ одно и то же. Любители новаго или добавочнаго могли знакомиться съ нимъ внѣ класса. Какъ членъ конференціи X. имѣлъ значеніе и, къ сожалѣнію, употреблялъ его не на пользу, а во вредъ не только воспитанниковъ, но и своихъ коллегъ. Мы его не любили, не жаловали его и учителя. Какъ профессоръ, онъ былъ «ровненькій» и стоялъ ниже и полковника Квиста и генераль-майора Ласковскаго, въ мое время уже оставившихъ преподаваніе. Терпѣть не могъ X. такъ-называемые «отбои», т. е. отказы отъ отвѣтовъ въ тѣ дни, когда преподаватели спрашивали, онъ блѣднѣлъ отъ злости и, ломая мѣлки и нервно поправляя свою саблю, чертилъ на доскѣ слѣдующую лекцію. «Отбои» случались не часто и всегда вызывались не лѣнью воспитанниковъ, а какими-нибудь случайными обстоятельствами: нечаяннымъ скопленіемъ подготовокъ вдругъ къ нѣсколькимъ лекціямъ, фронтowymi занятіями и т. п. Другіе учителя относились къ этой манкировке всегда снисходительно. Постановленія объ «отбоѣ» совершались такъ: по обсужденіи вопроса о невозможности, за недостаткомъ времени, приготовить урокъ, рѣшали сдѣлать «отбой» и поручали *старшему* доложить объ этомъ рѣшеніи преподавателю, съ объясненіемъ мотивовъ, и почти всѣ, кромѣ X., молча принимали подобное заявленіе, входили въ положеніе воспитанниковъ и начинали читать лекцію; X-же частенько, выслушавъ докладъ *старшаго*, начиналъ вызывать къ доскѣ воспитанниковъ по алфавиту; понятно всѣ, даже и подготовленные, отзывались незнаемъ. X вынималъ свою памятную книжку, ставилъ имъ нули и, на экзаменахъ, принималъ эти нули въ соображеніе. До какой степени былъ мстителенъ этотъ преподаватель показываетъ слѣдующій фактъ: одинъ изъ моихъ товарищей, первый въ классѣ по фортификаціи и страстный любитель этого предмета, перевелъ какое-то сочиненіе по инженерному искусству, бывшее тогда въ ходу,

представилъ рукопись перевода начальнику училища и, по одобреніи его генераломъ Ласковскимъ, напечатать ее на свой счетъ и книгу посвятилъ Іакову Ивановичу Ростовцеву *), который принялъ ее весьма любезно. X такъ обидѣлся тѣмъ, что перевода книгу, мой товарищъ не совѣтовался съ нимъ и не просилъ его содѣйствія, что черезъ три года, уже при выпускѣ изъ академіи (при переводѣ въ старшій классъ не удалось), отомстилъ ему, поставивъ на экзаменѣ фортификаціонныхъ проектовъ (проекты обороны разныхъ крѣпостей при обозначенныхъ условіяхъ. Вотъ гдѣ можно было разгуляться профессорской фантазіи!) вмѣсто предѣльныхъ 10—8 балловъ и такимъ образомъ лишилъ его и чина поручика и званія инженера, а у бѣдняги-переводчика было 10½ среднихъ! И такъ силенъ былъ X, что не только остальные экзаменаторы, но и самъ начальникъ училища не могли отстоять гонимаго!

(Продолженіе слѣдуетъ).

Главное (Николаевское) инженерное училище въ пятидесятыхъ годахъ.

(Изъ воспоминаній).

(Продолженіе).

Отъ сего сильнаго господина перейду къ Ивану Алексѣвичу Вышнеградскому *), читавшему въ I классѣ дифференціальное исчисленіе. Преподавалъ онъ у насъ еще холостымъ и только къ концу курса женился. Мы очень его любили и уважали, хотя частенько и смѣшилъ онъ насъ своею горячностью: при малѣйшей ошибкѣ отвѣчавшаго онъ сначала нервно поправлялъ свои очки, а затѣмъ вскакивалъ съ мѣста, порывисто, съ возгласомъ, бросался къ доскѣ, схватывалъ мѣлъ и, тыкая имъ въ доску, поправлялъ написанное. Иванъ Алексѣвичъ, несмотря на вспыльчивость, былъ очень мягкій и справедливый человѣкъ; читалъ онъ талантливо, доступно, не лѣнился разъяснять воспитанникамъ все для нихъ малопонятное и

*) Впоследствии министръ финансовъ.

относился къ юношамъ просто и любовно. Вспоминается мнѣ, какъ на полугодномъ экзаменѣ товарищъ мой И., вообще хорошо занимавшійся, вынулъ изъ пачки послѣдній билетъ (И. былъ вызванъ въ первой очереди, когда билеты не были еще разбросаны по столу—самъ же раскидать побоялся), который успѣлъ приготовить только поверхностно, и не зналъ что дѣлать... «Срѣзлся!»—мелькнуло у него въ головѣ; стоитъ передъ доской въ недоумѣніи. Подходить Вышнеградскій. И. объясняетъ ему свое горе. Иванъ Алексѣевичъ беретъ у И. билетъ, кладетъ его въ общую кучку и подаетъ ему другой. «Тотъ ужъ слишкомъ простъ для него,»—объясняетъ И. А. экзаменаторамъ.—«Поблажка!»—скажутъ можетъ быть суровые профессора. Нѣтъ, не поблажка, а справедливое снисхожденіе: И. А. узналъ, что И. занимался толково, не долбилъ, что плохое знаніе одного или даже нѣсколькихъ билетовъ, не можетъ вліять на общее знаніе всего предмета, что оцѣнка должна производиться не на основаніи одного билета, а всего курса, а главное должно приниматься во вниманіе умственное и математическое развитіе юноши — и конечно у такого умнаго и хорошаго человѣка, какъ И. А., не только не могла подняться рука поставить И. непредѣльный баллъ, но не могъ онъ допустить, чтобы и экзаменаторы «срѣзали» его, чуть не накануне выпуска въ офицеры.

Исторію русской литературы читалъ Василій Тимофѣевичъ Плаксинъ, — личность почтенная и очень оригинальная. Небольшаго роста, плотный старикъ, съ угловатыми манерами, весьма сдержанный въ сужденіяхъ съ людьми вообще,—онъ бывалъ рѣзокъ съ начальствомъ и частенько грубоватъ въ разговорѣ; но мы любили его за безпристрастіе къ намъ и за то, что такимъ людямъ, какъ Х., онъ почти всегда былъ горячимъ оппонентомъ. Помнится мнѣ, во время его лекціи, портупей-юнкеръ Р., не обращая вниманія на Василя Тимофѣевича, читалъ какую то книгу. Плаксинъ, замѣтивъ это, приостановился, крикнулъ нѣсколько разъ (у него была привычка, во время перерывовъ рѣчи, вставлять «кхе—кхе») и замѣтилъ читавшему его неприличіе; послѣдній отвѣтилъ на это дерзостью. В. Т. крикнулъ еще разъ-другой и продолжалъ лекцію.

На слѣдующій разъ вызываетъ онъ провинившагося: тотъ отвѣтилъ прекрасно; Плаксинъ ставитъ ему въ книгу отмѣтокъ 12, несмотря на то, что воспитанникъ имѣлъ у него годовыхъ только 10. Это такъ поразило юношу, что онъ, въ концѣ урока, при всемъ классѣ горячо извинился передъ Василемъ Тимофѣевичемъ *). «Кхе-Кхе... а вы думали, что очень оскорбили меня вашимъ отвѣтомъ?.. Что я припоминаю это вамъ?.. Напрасно!.. Теперь вы вотъ поступили хорошо и конечно о бывшемъ... кхе-кхе... нѣтъ и помину!»—И дѣйствительно помину не было: Р. получилъ на экзаменѣ 11. Читалъ В. Т. дѣльно, не особенно гладко и вообще довольно безстрастно, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ горячился и входилъ въ паѣось: напримеръ, были мѣста въ «Маскарадѣ» Лермонтова, которые раздражали его; онъ критиковалъ ихъ съ вибраціей въ голосѣ и заключалъ свои тирады возгласомъ: «если это поэзія, то да погибнетъ такая поэзія!» Василій Тимофѣевичъ былъ поклонникомъ чистой, возвышенной поэзіи (Пушкинъ былъ его любимымъ писателемъ) и реализмъ даже «Мертвыхъ душъ» былъ ему не по душѣ; за то отъ нѣкоторыхъ повѣстей Гоголя, онъ приходилъ въ восторгъ. Плаксинымъ была напечатана «Исторія русской литературы», принятая какъ руководство во всѣхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ, но мы мало пользовались ею, а записывали лекціи В. Т. и затѣмъ ихъ литографировали.

*) Съ удовольствіемъ отмѣчаю, что классъ вполне одобрилъ поступокъ Р.

Языки французскій и нѣмецкій были обязательны; обученіе имъ производилось по особой системѣ. Въ виду того, что не у всѣхъ державшихъ вступительный экзаменъ познанія были одинаковы, не всѣ поступившіе попадали въ одинъ классъ, а распределялись по разнымъ, смотря по подготовкѣ. Такъ, напримеръ, я сразу попалъ во II классъ по французскому и въ III по нѣмецкому языку. Это дѣлалось въ виду того, чтобы хорошо подготовленный воспитанникъ, прошедшій уже синтаксисъ и хорошо говорившій и читавшій, двигался впередъ, а не сидѣлъ годъ два на давно извѣстной ему этимологіи и на легкихъ переводахъ и диктовкѣ. Французовъ у насъ было три: гг. Демени въ III и IV, Левріе во II и Буже въ I классѣ; Нѣмцевъ—два: гг. Миллеръ въ IV и III и Фрей во II. Всѣ они, за исключеніемъ Буже (Alfred Bougeot), весьма мало отличались отъ преподавателей гимназій; за то когда Буже читалъ исторію французской литературы—классъ безмолвствовалъ, слушалъ напряженно и многіе воспитанники втораго класса секретно приходили слушать бойкую, блестящую лекцію краснорѣчиваго и уважаемаго француза. Любимымъ его писателемъ былъ Мольеръ.

Въ мое время существовали еще полугодные экзамены; очень тяжело отзывались они на насъ. Во первыхъ отнимали цѣлый мѣсяцъ отъ учебнаго полугодія, вслѣдствіе чего преподаваніе должно было неминуемо идти ускореннымъ темпомъ и въ ущербъ успѣшности, и во вторыхъ требовали усиленныхъ, сиѣшныхъ занятій, сильно дѣйствовавшихъ на нервы. Одно уже болѣе раннее вставаніе, въ темныя, декабрьскія утра, вмѣстѣ съ лихорадочнымъ ожиданіемъ грядущаго экзамена, вызывало какое то томленіе и угнетенность духа. А тутъ еще тусклое освѣщеніе масляныхъ лампъ, слишкомъ прохладная температура большихъ, высокихъ комнатъ, видъ заспанныхъ, недовольныхъ начальственныхъ лицъ, какая то напряженность во всемъ окружающемъ еще болѣе болѣзненно дѣйствовали на юношей.

Какую же пользу приносили эти экзамены?

Никакой.

Полугодовыя репетиціи были бы несравненно полезнѣе; но для насъ и онѣ не были нужны, такъ какъ каждый воспитанникъ спрашивался въ полугодіе, иногда и дважды, а графическія его работы были постоянно подъ глазами преподавателей и ихъ репетиторовъ. Уничтоженіемъ же полугодныхъ экзаменовъ сберегся бы цѣлый мѣсяцъ времени для занятій, которыя конечно утратили бы тогда свою сиѣшность и воспитанники не вынуждены были бы являться на экзаменъ изъ предмета, послѣдніе билеты, котораго были прочитаны преподавателемъ чуть не накануне.

А между тѣмъ результаты полугодныхъ экзаменовъ были очень важны, въ особенности въ глазахъ новыхъ учителей, мало ознакомившихся съ воспитанниками въ какіе нибудь три мѣсяца. Эти результаты являлись фундаментомъ для будущихъ отмѣтокъ на годовомъ экзаменѣ: отличившійся на полугодномъ могъ разсчитывать на снисхожденіе на годовомъ экзаменѣ и на оборотъ трепетать на семъ послѣднемъ при худомъ исходѣ полугодоваго. Конечно соображенія эти не имѣли мѣста у профессоровъ разумныхъ и справедливыхъ, но много ли было такихъ!

И вотъ вырабатывались разныя средства подчинить себѣ капризную фортуна на экзаменахъ, но всѣ они браковались и только одно осталось намъ въ наслѣдіе: «теорія вѣроятія»—названіе, къ настоящему средству, вовсе не подходившее. Суть заключалась въ слѣдующемъ: съ писаремъ училищной канцеляріи входили въ сдѣлку и, накануне экзамена, получали отъ него, часа на два, написанные на тонкой бумагѣ билеты. Пройдя черезъ руки заправиль, билеты получали извѣстныя примѣты, отмѣчавшіяся на особомъ

листѣ: подчеркнутыя кой-гдѣ строки или отдѣльныя слова, сильно обозначенныя вопросительныя и др. знаки, заглавыя буквы — видимыя на изнанкѣ билета, клейма бумаги, пятна и проч. Когда экзаменаторы усаживались — инспекторъ раскидывалъ билеты по столу, а если это не дѣлалось, по забывчивости напимѣръ, — то первая очередь, вызванныхъ къ доскѣ воспитанниковъ, обязана была это сдѣлать, какъ-бы выбирая себѣ билетъ «на счастье». Моментально кто-либо изъ агентовъ «теоріи вѣроятія», съ задней скамьи, вооруженный небольшою зрительною трубкой, жадно вливался взглядомъ въ разбросанныя билеты и сообщалъ нумера лежавшихъ сверху и мѣста, гдѣ они лежатъ. Неувѣренные въ себѣ воспитанники намѣчали, по согласію съ товарищами, нумера и восстанавливали содержаніе билетомъ въ памяти; затѣмъ, когда ихъ вызывали, они уже прямо хватались за облюбованный ими билетъ. Конечно средство это помогало только отчасти: можно было пробѣжать билетъ, кой-что забытое или плохо выученное восстановить въ памяти, но выучить вновь было немислимо; вотъ почему начальство, хотя и знало о существованіи «теоріи вѣроятія», не придавало ей значенія и виновныхъ въ сдѣлкѣ писарей не преслѣдовало.

Полугодовые экзамены заканчивались 22-23 декабря «смотромъ чертежей» и затѣмъ воспитанники увольнялись въ отпускъ до вечера 6 января. Обязанные дежурствомъ портуней-юнкера, взводы кондукторовъ и ординарцы, назначенные для присутствованія на разводахъ, обязаны были являться въ назначенные дни и часы, причемъ парадировавшія части должны были собираться въ училище еще и для репетицій.

Въ Крещенскомъ парадѣ, если морозъ былъ менѣе десяти градусовъ, кондукторы участвовали въ мундирахъ и безъ наушниковъ, а если болѣе — то въ шинеляхъ въ рукава и наушникахъ. Сапоги конечно были комнатные, безъ галошъ, но для тепла ноги обвертывались, поверхъ носковъ, листомъ пропускной бумаги. Фуфайки не допускались, позволялось, въ исключительныхъ случаяхъ, надѣвать двѣ денныя сорочки.

Поглядывая на теперешнюю военную молодежь, воспитывающуюся въ теперешнихъ корпусахъ и училищахъ, передѣланныхъ изъ военныхъ гимназій, невольно вспоминаешь, что переносили мы, почти полвѣка назадъ, и какой спартанскій режимъ царствовалъ тогда въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. И однако, не смотря на это, ни смертность *) не была больше, ни переутомленія мы не знали, а ужъ о выносливости тогдашняго кадета или юнкера и говорить нечего!.. Возьмемъ хотя-бы церемонію перенесенія тѣла въ Бозѣ почивающаго Императора Николая Павловича, изъ Зимняго дворца въ Петропавловскую крѣпость. Путь былъ очень далекий: черезъ Николаевскій (тогда Благовѣщенскій) мостъ, по первой линіи Васильевскаго острова, на Тучковъ мостъ и далѣе, черезъ Иоанновскія ворота, въ крѣпость. День былъ ясный, морозный, болѣе десяти градусовъ. Въ виду того, что почившій Государь былъ основателемъ инженернаго училища и школы гвардейскихъ подпорщиковъ — эти два заведенія были удостоены чести сопровождать Августѣйшія останки въ крѣпость; остальные заведенія стояли шпалерами на назначенныхъ мѣстахъ и, по мѣрѣ прохожденія мимо нихъ печальной процессіи, возвращались домой. Насъ привели, въ нижніе корридоры Зимняго дворца, около восьми часовъ утра. Въ девять часовъ, въ однихъ мундирахъ, но въ наушникахъ, съ ружьями, мы были уже поставлены на мѣста: инженеры съ правой стороны процессіи, никола — съ лѣвой, гуськомъ, начиная

отъ колесницы, шагомъ на пять челоуѣкъ отъ челоуѣка. Когда печальная колесница двинулась изъ дворцовыхъ воротъ — голова процессіи была уже на сенатской площади. Мы держали ружья «на погребеніе», въ лѣвой рукѣ, дулами внизъ, прикладами къ верху; тщательно отбѣленные, негнувшіяся рукавички приводили насъ въ отчаяніе. Отъ получасовой стоянки на снѣгу, пока устанавливали процессію, ноги наши застыли, пробѣгавшая сначала по тѣлу дрожь вдругъ какъ-то замерла и мы, какъ автоматы, нервно сжавъ челюсти, двинулись по командѣ впередъ. Шли тихо; у встрѣчавшихся на пути церквей, на паперти которыхъ стояло духовенство съ иконами и хоругвями, служились литіи. Церемонія была торжественная, великолѣпная, но долгая; только къ вечеру вернулись мы въ инженерный замокъ, совершенно продрогшіе, и жадно набросились на приготовленный чай (ради такого случая сбитень былъ замѣненъ чаемъ). И что-же? У насъ больныхъ не было, а въ школѣ заболѣлъ кто-то легкой горячкой, но скоро выздоровѣлъ.

Но я отклонился въ сторону.

На четвертой недѣлѣ великаго поста рота говѣла. Говѣчіе еще съ первой недѣли начинали готовиться къ службамъ. Чтеніе часовъ, паремій, апостола было также возложено на воспитанниковъ. Въ пятницу, часовъ около четырехъ по полудни, приходилъ въ камеры о. законоучитель и велъ бесѣду со своими духовными чадами; являлись также ксендзъ и пасторъ. Затѣмъ православные ходили въ церковь на исповѣдь. Въ субботу кондукторы причащались Св. Тайнъ; на богослуженіи присутствовало все начальство, съ начальникомъ училища во главѣ. Потомъ слѣдовалъ ранній, училищный обѣдъ и, по окончаніи его, воспитанники увольнялись въ отпускъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Главное (Николаевское) инженерное училище въ пятидесятихъ годахъ.

(Изъ воспоминаній).

(Продолженіе).

Въ концѣ поста производилась усиленная подготовка разводныхъ очередей и ординарцевъ. Послѣднихъ, при Императорѣ Николаѣ и въ первые годы

*) За шесть лѣтъ пребыванія моего въ училищѣ умерло всего два.

царствования Александра Николаевича, сильно муштровали. Хотя ординарцу приходилось дѣлать одинъ только шагъ передъ взятіемъ «на кра-уль» и три-четыре шага послѣ рапортованія — тѣмъ не менѣе операція подхожденія была не легка, въ особенности при прежнемъ держаніи ружья «подъ прикладъ»: полная отвѣсность ружья, молодцоватость во всей фигурѣ, мягкость и правильность шага, щеголеватость и вмѣстѣ съ тѣмъ лихость пріемовъ, въ мѣру громкій и ясный рапортъ требовали большой подготовки и присутствія духа.

Разводы на дворцовой площадкѣ считались труднѣе чѣмъ въ манежѣ инженернаго замка (Михайловскій), такъ какъ на первой взводы и ординарцы были болѣе на виду; для ординарцевъ-же всего тяжелѣе было на Пасхѣ: по окончаніи рапорта, Государь командовалъ: «на плечо», «къ ногѣ», христосовался съ подходившимъ, затѣмъ приказывалъ снова брать «на плечо» и отпускалъ. Тутъ требовалась еще большая чистота въ отдѣлкѣ, такъ какъ пріемовъ было больше.

Фельдфебель, въ пасхальную заутреню, являлся въ Зимній дворецъ только для христосованія съ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ (Генералъ-инспекторъ по инженерной части); съ Государемъ-же — въ одинъ изъ дней Святой недѣли, вмѣстѣ съ фельдфебелями другихъ военно-учебныхъ заведеній.

Страстная и Святая недѣли не были для насъ полнымъ отдыхомъ: мы рады были этимъ свободнымъ днямъ, чтобы наверстать кой-какія упущенія въ урокахъ, чертежахъ, задачахъ. При поздней Пасхѣ экзамены начинались уже среди Оминой недѣли, а при ранней — послѣ праздникова продолжались еще лекціи и кончались незадолго до перваго экзамена, такъ что времени для приготовленій оставалось мало. А тутъ еще репетиціи сначала майскаго парада, а потомъ Царскаго смотра, на которомъ выпускные производились въ офицеры, бывавшаго (съ 1854 года) въ первыхъ числахъ іюня. Репетиціи майскаго парада были легче и менѣе утомительны: готовили только церемониальный маршъ и ученія дѣлались на Царицыномъ лугу, около самага инженернаго замка; но приготовленія къ смотру были очень и очень тяжелы, такъ какъ требовались отчетливое исполненіе ружейныхъ пріемовъ, всевозможныя прохожденія: тихимъ (по нашему «гусинымъ»), скорымъ, вольнымъ, бѣглымъ шагомъ, а иногда и «учебнымъ» въ три, два и одинъ пріемы, и нѣкоторыя маневрированія. На репетиціи *гоняли* сперва на Семеновскій плацъ, на баталіонное *) ученіе, а для полковыхъ и бригадныхъ **) — въ 1-й кадетскій корпусъ; разстоянія, и то и другое, отъ инженернаго замка не близкія. Приходили мы съ этихъ репетицій измученные, запыленные, голодные, а на завтра экзаменъ и, вмѣсто сна, изволь-ка часика три — четыре посидѣть надъ книжкой! Тяжеленько бывало!

Перерывы между экзаменами если и случались, то очень небольшіе: день, рѣдко два, конечно я говорю о старшихъ классахъ, у которыхъ экзаменовъ было болѣе.

Годовые экзамены ничѣмъ не отличались по существу отъ полугодовыхъ; въ обстановкѣ только была нѣкоторая разница: назначались ассистенты для увеличенія числа экзаменаторовъ и изрѣдка удостоивали училище своими посѣщеніями высокія особы. Однажды попробовали произвести, изъ нѣкоторыхъ специальныхъ предметовъ, публичные экзамены въ зданіи 1-го кадетскаго корпуса; цѣль

ихъ заключалась въ достиженіи сравнительной оцѣнки знаній воспитанниковъ инженернаго и артиллерійскаго училищъ и специальныхъ классовъ кадетскихъ корпусовъ. Сначала мы очень трусили въ виду торжественной обстановки экзаменовъ большого числа присутствовавшихъ генераловъ и профессоровъ, но потомъ успокоились, такъ какъ почти всѣ они оказались людьми милѣйшими и добродушными, вступавшими, изъ-за нашихъ отвѣтовъ, даже въ пререканія съ нашими преподавателями, и конечно въ нашу пользу, а когда на слѣдующій годъ публичные экзамены были отменены — мы очень сожалѣли, что затѣя эта слишкомъ рано потерпѣла фиаско.

Царскій смотръ обыкновенно бывалъ на Царицыномъ лугу; насъ приводили туда часовъ въ девять и устанавливали въ линіи развернутымъ фронтомъ *), правымъ флангомъ къ мостику между Инженернымъ замкомъ и садомъ Михайловскаго дворца. Въ 11 часовъ, по Большой Садовой, прибывалъ Государь, у мостика садился на коня и начиналъ объѣздъ. По окончаніи его, пѣхота перестраивалась покоемъ, развернутымъ фронтомъ, тыломъ къ павловскимъ казармамъ, и начинались ружейные пріемы. Самые трудные были заряджаніе на двѣнадцать темповъ и отмыканіе штыка. Требовалось, чтобы каждый темпъ, каждое движеніе руки производились одновременно всею бригадою и надо отдать справедливость кадетамъ — они были такъ вымуштрованы, что очень рѣдко случались запаздыванія или ошибки. Въ то время въ модѣ было каждый пріемъ обозначать звяканьемъ ружья, для чего нарочно ослабляли ружейные винты и гайки, — и вотъ, когда училась бригада, это звяканье сотенъ ружей всегда сливалось въ одинъ общій звукъ. По окончаніи пѣхотныхъ пріемовъ, Государь смотрѣлъ пріемы при орудіяхъ юнкеровъ артиллерійскаго училища и ѣзду эскадрона школы. Потомъ производилась ломка фронта, различныя построенія и въ заключеніе бригадное ученіе съ пушечной пальбой; юнкера и кадеты не стрѣляли, а довольствовались примѣрной прикладкой. Смотръ кончался общимъ церемониальнымъ маршемъ, съ двумя и тремя прохожденіями. Когда данъ былъ отбой и кадеты заняли назначенныя имъ мѣста, выпускные вызывались передъ фронтъ и, по командѣ Государя «выпускные ко Мнѣ!», окружали Его. Большія двухручныя корзины, съ только-что отпечатанными приказами стояли тутъ же. Поздравивъ выпускныхъ офицерами, и Николай Павловичъ и Александръ Николаевичъ, въ высшей степени тепло, напутствовали юношей въ открывавшуюся передъ ними жизнь, давали наставленія и приглашали, во всѣ тяжкія минуты, смѣло и непосредственно обращаться къ Нимъ. Великъ былъ этотъ моментъ!.. Съ одной стороны Самодержавный Повелитель многомилліоннаго народа, какъ любвеобильный Отецъ, благословляетъ на службу отечеству Своихъ дѣтей, съ другой — счастливые юноши, изъ глубины молодого, пылкаго сердца, кричатъ неудержимое «ура», въ которомъ звучитъ и искренняя благодарность Благодѣтелю-Царю и безавѣтная Ему преданность и жажда подвиговъ; — то самое «ура», которое дѣлало, дѣлаетъ и, твердо вѣримъ, будетъ дѣлать русскую армію первою въ мірѣ!

Это громовое русское «ура» — символъ неразрывной связи Бѣлаго Царя съ Его народомъ, а слѣдовательно и съ Его арміею, и пока связь эта, освященная церковью, существуетъ, пока сердца Помазанника Божія и Его народа будутъ биться вмѣстѣ — великой матушкѣ Руси не будутъ страшны никакія полчища, никакія коализаціи!

Ухалъ Царь съ плаца — и дисциплина для свѣжеиспеченныхъ офицеровъ (я говорю о нашихъ, которыми рукой подать до училища) моментально исчезла: съ ружьемъ «на перевѣсъ», чуть не бѣгомъ,

*) Мы составляли вмѣстѣ со школой и пажами 1-й баталіонъ перваго полка, 1-я рота — школа, 2-я — мы, 3-я пажи. Командовалъ баталіономъ сначала Д. А. Скалонъ (нашъ командиръ роты), потомъ полковникъ Денъ (командиръ роты гвардейскихъ подпрапорщиковъ).

**) Всѣмъ отрядомъ военно-учебныхъ заведеній командовалъ сначала генералъ Грессеръ, директоръ одного изъ московскихъ кадетскихъ корпусовъ, а потомъ его смѣнили генералъ Желтухинъ, директоръ пажескаго корпуса.

*) При Императорѣ Николаѣ I и въ первые годы царствования Александра II, въ три шеренги.

помчались они ближайшимъ путемъ, черезъ большое крыльцо, въ камеры. Тамъ, на кроватяхъ, уже лежало офицерское платье и стояли около портные и слуги. Радость, оживленіе чувствовались кругомъ. Сочувствовали восторгу выпущенныхъ вахтера, чуть не всѣ училищные сторожа, писаря... Все это сбѣжалось поздравить, поглядѣть на молодое счастье... И улыбаются они радостно-привѣтливо не отъ ожиданія получить «на чай», а просто заражались разлитымъ повсюду живымъ настроеніемъ; вѣяніями мира и любви и самимъ имъ невольно сходилъ миръ въ душу и на сердцѣ становилось тепло и радостно.

Вернувшись и рота, а съ нею рябцы и третьеклассники, которыхъ теперешніе счастливы-офицеры когда то обижали и которымъ обиженные клялись отомстить. Примиряющее настроеніе и ихъ охватило... Забыты старые счеты... Выразительнымъ молчаніемъ какъ бы извиняется старшій, молча прощаетъ ему бывший подначальникъ... И съ облегченнымъ сердцемъ стремится изъ кондукторскихъ камеръ на волю молодой офицеръ,—безъ злобы смотреть ему вслѣдъ вчерашній рябець...

Послѣ смотра всѣ кондукторы, передъ выступленіемъ въ лагерь, увольнялись на нѣсколько дней въ отпускъ; закупались нѣкоторыя вещи, даже небогатыми. Капитальною покупкой были погребцы, бывшіе въ то время въ большомъ употребленіи у офицеровъ, помѣщиковъ и вообще у липъ, которымъ предстояли разѣзды. Погребцы эти, по дешевле, представляли изъ себя высокую шкатулку, обтянутую моржевою или перьяною кожей, съ оковкой по угламъ и на крестъ, съ внутреннимъ двойнымъ помѣщеніемъ, вмѣщавшимъ въ себѣ почти все самое необходимое для хозяйства человѣка одинокаго: столовый и чайный приборъ, графины для вина и водки, чайницу и сахарницу и пр. Погребцы подороже дѣлались на двѣ и на три персоны, со складнымъ сомоуаромъ, кофейникомъ, судкомъ, причемъ, конечно, вещи были лучшаго качества. Болѣе всѣхъ распространены были первые, вторые же покупались только тѣми воспитанниками, у которыхъ были, такъ-называемыя «свои» палатки. Выраженіе «свои палатки» вовсе не значило, что у такоого-то кондуктора есть своя палатка, да это было бы и немисливо, такъ какъ количество шатровъ, палатокъ и другихъ помѣщеній было строго ограничено и заранѣе опредѣлено и планъ лагеря былъ подробно разбитъ въ натурѣ. «Свои» палатки означало, что вахтера, горнисты, барабанщики и другіе нижніе чины, которымъ полагались палатки, сдавали ихъ воспитанникамъ въ наймы за извѣстную плату. Нанимали ихъ въ складчину два-три человѣка, за 25—30 рублей каждую, и за это пользовались правомъ сидѣть въ этой палаткѣ цѣлый день и даже послѣ вечерней зари, питаться своимъ кушаньемъ, пить чай, кофе, лимонадъ, ѣсть фрукты и ягоды когда вздумается и принимать гостей. Спиртные напитки были въ небольшомъ употребленіи и у немногихъ, да и то когда чествовались чьи-либо именины или рожденія; тогда на вечеринкахъ подавали иногда кюммель и легкія вина; водки же и пива и въ заводѣ не было. Прислуживалъ обыкновенно, уже въ счетъ наемной платы, сдавшій палатку. Конечно число нанимавшихъ было небольшое, но погребцами и другими предметами запасались многіе, и кондукторы малосостоятельные, еще съ зимы, откладывали свои сбереженія на покупки для лагерного сезона.

До 1854 года кадетскій лагерь всегда былъ въ Петергофѣ и выпускъ въ офицеры производился по окончаніи лагерного сбора, на обратномъ пути, на привалѣ; съ этого же года, въ виду войны, лагерь военно-учебныхъ заведеній переведенъ былъ въ Царское Село, на Софійскій плацъ и поставленъ тыломъ къ собору. Выступленіе изъ Петербурга совершалось такъ: въ назначенный день, къ полудню, весь кадет-

скій отрядъ, въ походной формѣ и въ ранцахъ, выстраивался у вокзала петербурго-варшавской желѣзной дороги, въ колоннахъ изъ середины, пріѣзжалъ Государь и при немъ производилась посадка кадетъ на платформы и нагрузка послѣднихъ орудіями артиллерійскаго училища, легкимъ обозомъ (тяжелый отправлялся ранѣе) и лошадьми офицеровъ и эскадрона школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ. На первой станціи, отстоявшей отъ Царскаго Села въ нѣсколькихъ верстахъ, насъ высаживали, строили и длинной походной колонной, черезъ весь городъ, мы вступали въ лагерь; тамъ ждалъ уже насъ горячій обѣдъ и чай.

Лагерь разбитъ былъ образцово: линейки (дорожки) были тщательно утрамбованы и засыпаны пескомъ, дерновые диваны и тумбы весело зеленѣли; одного не доставало: тѣни. Хотя деревья и были посажены, но они были такъ еще молоды и чахлы, что не давали никакой защиты отъ зноя. Шатры военно-учебныхъ заведеній распределены были по передней линейкѣ, считая отъ праваго фланга, такъ: *первый* полкъ: 1-й баталіонъ—школа, инженеры, пажи; 2-й—первый баталіонъ дворянскаго полка; 3-й—второй баталіонъ того же полка. Михайловское артиллерійское училище съ выдвинутою впередъ батареею. *Второй* полкъ: 1-й баталіонъ—первый кадетскій корпусъ; 2-й—второй кадетскій корпусъ; 3-й—павловскій кадетскій корпусъ. На нашу роту полагалось два шатра; средніе столбы, поддерживавшіе ихъ гребни, окружены были пирамидами изъ ружей; кровати стояли перпендикулярно къ продольной оси шатровъ, по которой шелъ довольно широкій проходъ. Между кроватями помѣщались шкапчики, амуниція, на случай тревоги, висѣла въ головахъ. Пола не было; его замѣнялъ плохо утрамбованный песокъ, несмотря на постоянныя провѣтриванія шатровъ, всегда влажный. Потолокъ шатра, хотя и двойной, промокалъ, а въ большіе дожди пробивался насквозь, такъ что приходилось ложиться на мокрую постель и подъ мокрое одѣяло, а около кровати зачастую стояли лужи. Поднимать же надъ своею койкою клеенку не разрѣшалось.

За кадетскими шатрами разбиты были палатки командировъ баталіоновъ и ротъ, дежурныхъ офицеровъ, музыкантовъ, служителей и пр. За среднюю линейкой, которая была шире другихъ, шелъ рядъ навѣсовъ для столовыхъ, кухни, конюшни и другія службы; тутъ же ютились и лавочки маркитантовъ. Лавочки эти были вмѣстѣ и клубомъ для кадетъ: около нихъ толпились не только воспитанники смежныхъ заведеній, но заходили кадеты и другихъ корпусовъ; закусывали, болтали и секретно покуривали. Содержатели лавочекъ, несмотря на то, что открывали потребителямъ довольно широкій кредитъ, торговали бойко и наживались. Товаръ не отличался разнообразіемъ, но былъ свѣжъ и не особенно дорогъ: бѣлый и пеклеванный хлѣбъ, сухари и баранки, чай, сахаръ, кофе, ветчина, колбасы, лакомства, лимонады, табакъ и папирсы. Спиртные напитки и пиво достать было невозможно, такъ какъ маркитанты страшно боялись ответственности, да впрочемъ къ нимъ и не обращались любители спиртуознаго: сіе послѣднее приносилось изъ отпуска и бутылки закапывались въ землю не только въ «своихъ» палаткахъ, но и въ шатрахъ, подъ кроватями. Кромѣ маркитантовъ, имѣлись въ лагерь и бродячіе разносчики: съ ягодами, фруктами и разною мелочью.

День въ лагерь начинался рано: уже съ восьми часовъ слышались во всѣхъ концахъ сигналы горнистовъ, барабанный бой и возгласы: «дежурнаго на линію!» На Софійскомъ плацу производились ученія: одиночныя для слабыхъ, ротныя и, въ половинѣ сезона, баталіонныя. У насъ хлопотъ было больше: мы готовились не только къ Царскому смотру всего отряда, но еще къ наводѣ понтоннаго моста, въ

присутствіи Государя, трассировали и возводили большія полевые укрѣпленія, плели туры и плетни, вязали фанины, одѣвали отлогости брустверовъ различными одеждами и занимались минными работами. Для всѣхъ этихъ занятій прикомандировывались къ намъ опытные саперные унтеръ-офицеры, конечно подъ высшимъ наблюденіемъ спеціалиста-офицера. Наводка моста производилась на озерахъ, вблизи вокзала желѣзной дороги. Тамъ, на берегу, стоялъ нашъ понтонный паркъ, состоявшій кажется изъ восьми фуръ, на которые уложены были составные части разборныхъ «русскихъ» понтоновъ. По командѣ «сваливай!» нумера (воспитанники) каждой фуры сваливали, въ извѣстномъ порядкѣ, эти части и быстро приступали къ сборкѣ понтоновъ. Остовъ каждого изъ нихъ образовывался изъ двухъ боковыхъ рѣшетчатыхъ рамъ и поперечныхъ брусковъ (все деревянное, окрашенное желтой масляной краской) и стягивался «штропами» (веревками) съ закрутками. Остовъ покрывался «парусомъ» — толсто просмоленной, выкрашеною черною масляною краскою парусиною, съ ремнями и пряжками по концамъ. Ремнями этими парусъ пристегивался къ поперечнымъ брускамъ, служившимъ сидѣльями на кормѣ и на носу понтона, — къ боковымъ-же рамамъ приколачивался особыми короткими и толстыми гвоздями, съ шаровидною головкой, предварительно пропускаемыми сквозь отверстія небольшихъ квадратныхъ, деревянныхъ планокъ. На дно понтона, по длинѣ его, клались двѣ доски, во избѣжаніе прорыва паруса ногами. Собранный понтонъ имѣлъ видъ четырехугольной призмы съ усѣченными концами. Сборка его, съ момента свалки до отнесенія къ берегу, продолжалась 5—6 минутъ и, не смотря на подобную быстроту, работа отличалась такою аккуратностью и прочностью что, въ мое по крайней мѣрѣ время, не было случая аварии понтона. Послѣ спуска на воду, на каждый понтонъ клались поперекъ два смычные бруса (переводины), служившіе основаніемъ настилки моста, и садились на носъ и на корму по одному португей-юнkerу, а за недостаткомъ ихъ — старшіе ефрейтора, вооруженные веслами и баграми, съ сумками черезъ плечо съ необходимыми инструментами.

Въ линію будущаго моста понтоны входили по нумерамъ: № 1 немедленно смыкался съ пристанью, № 2 съ № 1 и т. д. На концахъ смычныхъ брусьевъ имѣлись три круглыхъ отверстія, на равномъ другъ отъ друга разстояніи, служившія для пропусканія болтовъ смыкавшихъ брусья сосѣднихъ понтоновъ. Самое удаленное отъ конца бруса отверстіе служило «пролетъ» (разстояніе между понтонами), самое ближнее его расширяло; въ виду этого, смотря по мѣстнымъ условіямъ, отдавались и разныя приказанія какъ смыкать: «на ближнюю», «среднюю» или «дальнюю» смычки. Пристані строились во время сборки понтоновъ и, смотря по глубинѣ воды у берега, утверждались или «на козлахъ» или на деревянныхъ лодкахъ Бирагд *). Строителями пристаней бывали обыкновенно рябцы и слабосильные изъ другихъ классовъ. Вся наводка моста (время наблюдалось весьма точно и нѣсколькими лицами), на Царскихъ смотряхъ, продолжалась, отъ команды «сваливай!» до открытія переправы, 18—20 минутъ. Затѣмъ, по сигналу «къ переправѣ», весь отрядъ военно-учебныхъ заведеній, съ артиллеріей и кавалеріей, переходилъ черезъ наведенный мостъ.

Для минныхъ работъ отведено было мѣсто въ самомъ концѣ плаца, противъ праваго фланга лагеря. Закладывались разные фугасы и буlevы колодцы; послѣдніе съ зарядомъ въ 5 6 пудовъ пороха каж-

дый. Минныя галереи велись двухъ родовъ: большая, почти въ ростъ человѣка, съ отлогимъ спускомъ въ нее и слуховымъ, такъ называемымъ голландскимъ рукавомъ, въ которомъ работать можно было только на корточкахъ, и контръ-мина, въ которую спускались изъ колодца, на бадѣ; галерея эта была меньшихъ размѣровъ и въ ширину и въ вышину и предназначалась для уничтоженія большой галереи «камуфлетомъ», т.-е. такимъ взрывомъ, дѣйствіе котораго не обнаруживалось на поверхности земли, а разрушило только подземное сооруженіе непріятеля. Работать въ царскосельскомъ грунтѣ было трудно: синяя, плотная глина *) съ мелкимъ камнемъ плохо поддавалась заступу и требовала кирки или мотыги, а иногда лома и даже топора; если же прибавить къ этому необходимость работать на корточкахъ или на колѣняхъ, да еще въ спертomъ воздухѣ, то конечно окажется, что трудъ былъ не изъ легкихъ.

Взрывы производились подъ концemъ лагернаго сезона и всегда въ Высочайшемъ присутствіи. Къ назначенному времени рота выстраивалась на передней линіи, въ курткахъ **) и фуражкахъ, остальные корпуса вызывались «всѣ на линію». Кто-либо изъ юныхъ Великихъ Князей, по приказанію Государя, соединять проводы и, окутанныя густымъ дымомъ, глыбы земли взлетали поочередно на воздухъ и съ дробнымъ грохотомъ падали на землю. Затѣмъ Государю подавали коляску и Онъ ѣхалъ осматривать результаты взрывовъ. Моментально кондукторы, съ крикомъ ура! оббѣпляли козла, подножки, запятки и даже влѣзали въ самый экипажъ. И Николай Павловичъ и Александръ Николаевичъ не только терпѣли это, но всячески ласкали юношей, прося только побережь рессоры коляски и не очень жать ихъ хозьяевъ. Но кондукторы плохо слушали увѣщанія милостивыхъ Монарховъ: ловя на перерывѣ ихъ руки, восторженно цѣлуя ихъ, стараясь замѣнить несчастливенныхъ, они брали съ бою ближайшія мѣста и производили такую сумятицу, что коляска двигалась не только все время шагомъ, но и не однажды останавливалась на пути.

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) Австрійскаго типа. Лодка состояла изъ трехъ частей, связанныхъ вмѣстѣ: каждая третья часть изображала изъ себя небольшую самостоятельную лодку, годную для переправы войскъ черезъ не широкія и не быстрыя рѣки.

Главное (Николаевское) инженерное училище въ пятидесятихъ годахъ.

(Изъ воспоминаній).

(Продолженіе).

Но я забѣжалъ впередъ... возвращаюсь къ описанію лагернаго дня.

Завтрака, такъ же, какъ и въ городѣ, не полагалось. Кондукторы пробавлялись чѣмъ хотѣли: казеннымъ чернымъ хлѣбомъ съ квасомъ, своимъ чаемъ или молокомъ, маркитантскими закусками. Около полудня или нѣсколько позже, смотря по очереди съ другими корпусами, желающіе отправлялись купаться, конечно въ строю и подъ командою дежурнаго офицера, въ дворцовую купальню, находившуюся въ паркѣ, недалеко отъ большого пруда, въ кустахъ. Купальня эта, въ видѣ прямоугольника, представляла изъ себя большое, оштукатуренное тесомъ, капитальное зданіе съ полукрышей надъ концами и боковыми проходами, гдѣ стояли лавки для раздѣванія. Внутри купальни вырытъ былъ прудъ съ покатымъ, отъ 1½ до 2½ аршинъ глубины, дномъ (глубина воды могла быть измѣнена по желанію), усыпаннымъ мелкимъ бѣлымъ пескомъ. Большого діаметра трубы — однѣ проводили чистую ключевую, довольно холодную, воду въ купальню, другія отводили загрязненную. Купаться первыми было чистое наслажденіе: отстоявшаяся за ночь вода была прозрачна какъ хрусталь, — купалось же насъ человекъ сорокъ, много пятьдесятъ, такъ что мутилась она мало; за то купаться послѣ корпусовъ, когда вода принимала молочный цвѣтъ, — было несовсѣмъ пріятно. Вотъ, для уравниванія этихъ условій, и была установлена для заведеній очередь.

Возвращаясь съ купанья, мы неоднократно встрѣчали въ паркѣ Великихъ Князей и самаго Государя. Обыкновенно они присоединялись къ намъ, шли рядомъ и милостиво съ нами разговаривали. Помнится, однажды Государь Александръ Николаевичъ встрѣтилъ насъ у плотика на большомъ прудѣ, подозвалъ и началъ стаскивать насъ съ плотика въ воду. То-то хохоту у насъ было! Конечно многие летѣли въ прудъ уже не отъ руки Государя, а по своей охотѣ.

Въ два часа мы обѣдали. Случалось нерѣдко, что пріѣзжали къ намъ въ это время молодые Великіе Князья и чаще всѣхъ нашъ Генераль-Инспекторъ *). Мы очень его любили и нисколько не боялись. Онъ подсаживался къ намъ на скамью, пробовалъ пищу, шутилъ и всегда обращался съ нами ласково и совершенно просто. Послѣ обѣда ходилъ съ нами смотрѣть фортификаціонныя и минныя работы, обходилъ шатры и все это дѣлалъ безъ всякой официальности, какъ-бы гуляя. — Простъ и любезенъ былъ въ обращеніи и Государь Александръ Николаевичъ; о немъ рассказывалъ мнѣ мой товарищъ Б., лежавшій, больнымъ въ тифѣ, въ отрядномъ лазаретѣ: «два раза былъ у меня Государь и оба раза одинъ, вечеромъ...

*) Великій Князь Николай Николаевичъ.

Первый разъ я былъ въ забытіи, а во второй вижу подходить къ моей кровати генераль-адъютантъ... я лежалъ въ палатѣ одинъ, и осторожно садится на стулъ около моего изголовья... Смотрю: Государь! Такъ мнѣ вдругъ хорошо на душѣ стало, а повѣрить боюсь... тогда я только поправляться началъ, думаю: опять галлюцинація... Поздоровался со мной, сталъ разспрашивать, успокаивать, да такъ ласково... Потомъ взялъ со столика вѣточку и давай меня обмахивать (мухъ было пропасть). Я не выдержалъ, приподнялся и схватилъ Его руку, чтобы поцѣловать ее, но сейчасъ-же и упалъ въ обморокъ отъ слабости. Государь, говорили мнѣ потомъ, очень встревожился, поднялъ всѣхъ бывшихъ въ лазаретѣ докторовъ на ноги и ушелъ только тогда когда Ему доложили, что опасности нѣтъ. Несмотря на это, Онъ однако приказалъ доносить Ему ежедневно о состояніи моего здоровья».

Послѣ обѣда ходили на ученія (одиночныя и шереножныя) только слабые по фронту, но раза два въ недѣлю, передъ Царскимъ смотромъ, назначались ротныя и баталіонныя. Свободные отъ занятій воспитанники пили чай, посѣщали знакомыхъ, предпочтительно артиллеристовъ, — традиціонныхъ друзей инженеровъ, читали или прогуливались по лагерю. Выходить за линейку строго воспрещалось. — Пажей и Школу мы почти не посѣщали, такъ какъ «своихъ» палатокъ они не имѣли (у артиллеристовъ палатки арендовались такъ-же какъ и у насъ), но нѣкоторыхъ изъ нихъ, съ которыми сошлись, принимали у себя радушно. Надо сознаться, мы считали себя равней только артиллеристовъ, такихъ-же юнкеровъ, а не кадетъ, какъ и мы, получавшихъ такое-же серьезное образованіе и такъ-же усидчиво трудившихся. Вѣдь намъ очень хорошо было извѣстно, что многие изъ Школы и Пажей выходили въ гвардію чуть не съ двойками изъ нѣкоторыхъ предметовъ, тогда какъ инженеру или артиллеристу усиленно заниматься и въ училищѣ и въ офицерскихъ классахъ (преобразованныхъ потомъ въ академію), чтобы попасть въ гвардію, да и то 20 а не 18 лѣтъ. И все это потому, что тамъ, въ привилегированныхъ заведеніяхъ, учились дѣти аристократовъ или богачей, или людей со связями, а у насъ воспитывалось среднее дворянство, зачастую бѣдное и безъ протекціи, нуждавшееся въ кускѣ хлѣба. Не нравились намъ и фатовство воспитанниковъ Школы, въ особенности кавалерійской половины, и женственность пажей, изнѣженныхъ извѣстѣмъ Ж—мъ. Положимъ, во всѣхъ этихъ чувствахъ немалую роль играла и зависть... Дворянскій полкъ отталкивалъ насъ своею грубостію и неразвитостію; большинство кадетъ были люди на возрастѣ, годные хоть сейчасъ въ любой полкъ на дѣйствительную службу. Въ отрядѣ звали ихъ «токами». Съ корпусами, по отдаленности ихъ расположенія, мы не имѣли ничего общаго, да и относились къ нимъ, надо признаться, съ высока, называя ихъ не иначе какъ «кадефонами».

Послѣ ужина и заревой пушки (9 часовъ) и до отбоя (10 часовъ) хоръ пѣвчихъ, общій съ артиллеристами, прекрасно исполнялъ военныя и народныя пѣсни; въ особенности удавались, въ тихій вечеръ, такія вещи, какъ: «Коль славенъ», «Боже, Царя храни», «Алла-га» и др. въ этомъ родѣ. Стройные, мощные аккорды привлекали много слушателей. Самъ Государь Николай Павловичъ очень любилъ слушать пѣніе инженеровъ и, когда пріѣзжалъ вечеромъ, часто заставлялъ кондукторовъ пропѣть Ему что-нибудь.

Тревоги производились не часто, но всегда неожиданно, въ особенности при Николаѣ Павловичѣ. Ночью — что то не помню, а въ дождь — бывало. Пріѣдетъ Государь (и Александръ Николаевичъ поступалъ такъ же), днемъ или вечеромъ, когда кадеты въ разбросѣ, воспретить вызывать «всѣхъ на линію», заѣдетъ и туда, и сюда, да вдругъ и прикажетъ дежурному барабанщику ударить тревогу... Батюшки,

что за столпотвореніе вавилонское произойдет!.. Намъ потрудиле было высказывать: шанцевый инструментъ задерживалъ, скоро его не приладишь, въ особенности лопату... Ну, выстроимся на передней линейкѣ, красные, запыхавшіеся—и поведетъ насъ Государь въ поле, обыкновенно недалеко, версты за двѣ, за три разсыплютъ цѣпь, смѣнять ее, свернуть затѣмъ въ колонны, церемоніальный маршъ—и баста! Государь Александръ Николаевичъ быстро производилъ ученья и маневрированія—только не зѣвай, да поспѣвай во время! На мелочи Онъ мало обращалъ вниманіе; за то Николай Павловичъ все подмѣчалъ, всякій непорядокъ какъ въ одеждѣ, такъ и въ пригонкѣ амуниціи; не ускользалъ отъ него и неловкій ружейный пріемъ и неправильное командованіе, такъ что пожалуй теперь и не опредѣлишь чьего смотра мы больше боялись.

Караулы выставлялись отъ всего отряда, по очереди; ихъ было два: на передней и задней линейкѣ; оба унтеръ-офицерскіе. По воскресеньямъ и второстепеннымъ праздникамъ почти всегда назначались церковные парады, въ праздничной формѣ, безъ ружей, около походной церкви отряда или Софійскаго собора; парады эти изстари назывались «зеленчаками», по цвѣту шатра, въ которомъ помѣщалась походная церковь, и въ отличіе отъ «золотыхъ» парадовъ, происходившихъ въ высокаторжественные дни, у Императорскаго дворца. На «золотые» парады наряжались обыкновенно лучшіе фронтовики, а на «зеленчаки» и въ караулы—рябцы и слабые по фронту, при чемъ плохихъ изъ старшихъ классовъ старались не беспокоить.

Во второй половинѣ іюля бывалъ Царскій смотръ всего отряда, весьма блестящій, почти всегда въ присутствіи кого-либо изъ иностранныхъ принцевъ и высокопоставленныхъ военныхъ. Въ мое время смотръ эти сходили благополучно, но по рассказамъ «стариковъ» бывали прѣжде и неудачи, при чемъ Государь Николай Павловичъ иногда *гонялъ* кадетъ съ плаца и приказывалъ усиленно готовить ихъ ко второму смотру, а начальство *пробиравъ* крутенюко и даже нѣкоторыхъ саживалъ подъ арестъ.

По благополучномъ окончаніи смотра, весь отрядъ избавлялся на три дня отъ всякихъ занятій и отдыхалъ. Потомъ начинались по вечерамъ «примѣненія къ мѣстности» и затѣмъ маневры въ Высочайшемъ присутствіи, которые длились два-три дня. Ночевать мы возвращались въ лагерь, но пищу привозили намъ на бивакъ, гдѣ мы имѣли привалъ.

Церемоніи посвященія «рябцовъ» въ настоящіе кондукторы (то-есть предоставленія нѣкоторыхъ правъ) я уже не састалъ: она сама по себѣ, безъ всякаго внѣшняго давленія, исчезла еще въ концѣ сороковыхъ годовъ, благодаря своей бессмысленности. По преданію, совершалась она незадолго до выступленія изъ лагеря и состояла въ слѣдующемъ: въ свободный вечеръ, когда нельзя было ожидать помѣхи, въ одномъ изъ шатровъ отодвигались кровати и образовывалась свободная площадка; въ началѣ ея, у одной изъ ружейныхъ пирамидъ, воздвигался тронъ изъ табуретовъ, на который возводилась «пиеія»—самый уродливый изъ рябцовъ, въ тогѣ изъ простыни и въ вѣнкѣ изъ какой-нибудь зелени или полевыхъ цвѣтовъ. По бокамъ «пиеи», на подставкахъ возжигались оніамы, по-просту «монашенки» и укладывались на табуреты орудія страданій рябцовъ: каучуковый хлыстъ, линейка и штыкъ. По данному знаку за спиной «пиеи» вспыхивалъ красный бенгальскій огонь и хоръ пѣвчихъ, тихо и мрачно запѣвалъ какую-то глупую кантату, нарочно для того сочиненную, содержаніе которой я забылъ. Рябцы, задрапированные въ простыни, подгоняемые церемоніймейстерами изъ старшихъ кондукторовъ, гуськомъ подходили къ «пиеи», склоняли голову и получали отъ нея сначала по легкому удару каждымъ

изъ орудій, съ соответствующими присказками, какъ напиримѣръ относительно линейки: «бью тебя мечемъ древеснымъ, сирѣчь линейкой», а потомъ закуренную папироску для затяжки (и не курящіе обязаны были затянуться), въ знакъ того, что теперь посвященному разрѣшается куреніе (но всякій разъ съ позволенія старшаго). По прохожденіи всѣхъ «рябцовъ», «пиеія» обращалась къ нимъ съ краткою рѣчью, въ которой объясняла важность только-что совершившагося акта и серьезность обязанностей, сопряженныхъ съ званіемъ стараго кондуктора, и затѣмъ сходила съ трона. Бенгальскій огонь потухалъ, посвященные снимали свои классическія одежды и «пиеія», сбросивъ съ головы вѣнокъ, возвращалась къ своимъ обычнымъ занятіямъ.

Канунъ выхода изъ лагеря ознаменовывался дѣланіемъ прощальныхъ визитовъ, товарищескими закусками и усиленнымъ посѣщеніемъ маркитантскихъ лавочекъ. Появлялись на свѣтъ Божій и закопанные завѣтные бутылочки. Подъ вечеръ во всѣхъ концахъ лагеря раздавались хоровыя пѣсни и по средней линейкѣ прогуливались веселыя кучки пріятелей. Скандалы, и то небольшіе, случались рѣдко, а если бывали—начальство снисходительно игнорировало ихъ. Пьяные не встрѣчались, но возбужденное состояніе нѣкоторыхъ приходилось отмѣчать. Съ отбоемъ не справлялись: долго еще послѣ него, темныя тѣни кадетъ бродили по лагерю и въ открытыя полотнища дверей «своихъ» палатокъ виднѣлись огоньки, озарявшіе молодые лица пріятелей, заканчивавшихъ свою прощальную трапезу...

Въ 1856 году, не припомню въ началѣ или въ концѣ, стараніями Якова Ивановича Ростовцева *), офицерскіе классы училища преобразованы были въ Николаевскую инженерную академію. Собственно говоря, академія эта не была самостоятельной: учреждена была Императорская военная академія, распавшаяся на три академіи (отдѣленія): Николаевскую генеральнаго штаба, Николаевскую инженерную и Михайловскую артиллерійскую. Программа преподаванія и профессора остались почти тѣ же; расширенъ былъ только курсъ химіи (въ практическомъ отношеніи) и вновь устроены лабораторія и помѣщеніе для производства химическихъ опытовъ и анализовъ. Къ поступленію въ академію допущены были офицеры всѣхъ родовъ оружія, причемъ окончившіе курсъ третьяго спеціальнаго класса, по инженерному отдѣленію, принимались въ академію безъ экзамена, а поступавшіе изъ фронта или не прошедшіе курсъ третьяго спеціальнаго класса—обязаны были держать экзаментъ. Жалованье, во время пребыванія въ академіи, было доведено до шестисотъ рублей въ годъ, считая и двойныя квартирныя (по столичному положенію) деньги. Жить было можно, въ особенности по сравненію съ прежнимъ окладомъ (около трехсотъ рублей). Тяжело приходилось, недостаточнымъ офицерамъ, въ первую треть, когда производился вычетъ за разбитую посуду, утерянное бѣлье и разныя поломки. Вычетъ этотъ доходилъ иногда до 50—70 рублей (!) съ человѣка, основывался на совершенно фантастическихъ донесеніяхъ служителей и представлялъ изъ себя родъ налога, совершенно незаконнаго и несправедливаго. Пробовали нѣкоторые изъ офицеровъ, побойчѣе, требовать представленія данныхъ, на основаніи которыхъ выводилась та или другая сумма причиненныхъ казніъ убытковъ, но проглядѣвъ выписку, за четыре года, грошевыхъ цифръ и не имѣя возможности доказать произвольность ихъ, конечно бросали неблагодарный трудъ и волею-неволею мирились съ грустнымъ фактомъ вычета. А между тѣмъ 50—70 рублей для офицера, живущаго однимъ

*) Начальникъ главнаго штаба Его Императорскаго Величества, по военно-учебнымъ заведеніямъ.

жалованьемъ, да еще въ Петербургѣ, вынужденнаго покупать и книги и письменныя принадлежности,— сумма не малая, да и обидно наконецъ платить ее, когда въ четыре года, разбилъ какихъ-нибудь 10 20 плохихъ тарелокъ или сломалъ ножку у табурета! Стаканъ разбить было мудрено—стекло было толщиною въ мизинецъ, а изъ бѣлья можно было потерять развѣ грошовый платокъ, но никакъ не рубашку или что другое, иначе пришлось бы обращаться къ каптенармусу за новою вещью, надѣвъ предварительно куртку или мундиръ на голое тѣло!

Въ 1858 году, по окончаніи экзаменовъ, офицерамъ инженерной и артиллерійской академій перешедшимъ въ практическое отдѣленіе (старшій классъ) съ производствомъ въ подпоручики, присвоены были аксельбанты, которые, при условіи окончанія полного академическаго курса, могли носиться, до чина полковника включительно *), какъ при инженерномъ, такъ и при другихъ мундирахъ **). Сначала аксельбанты были по цвѣту прибора (шитыя и пуговицы), но когда, на разводѣ л.-гв. сапернаго баталіона, покойный Государь Александръ Николаевичъ увидѣлъ всѣхъ офицеровъ съ аксельбантами (все воспитанники инженернаго училища), напомнившихъ флигель-адъютантовъ (только вензелей на эполетахъ не было), то приказалъ офицерамъ, всѣхъ трехъ академій, носить аксельбанты противоположнаго прибору цвѣта, т.-е. при золотомъ—серебряные и на оборотъ.

По окончаніи смотра, всѣ вновь выпущенные офицеры, въ теченіе двухъ недѣль, разсыпались по Петербургу и его окрестностямъ и веселились вволю; посѣщали рестораны, каменноостровскій театръ, въ которомъ давались еще представленія, а чаще всего «Заведеніе минеральныхъ водъ», въ «Новой деревнѣ»; или «Минерашки», антрепренеромъ которыхъ былъ извѣстный Иванъ Ивановичъ Излеръ. «Минерашки» были чуть не единственнымъ лѣтнимъ увеселительнымъ мѣстомъ и, разнообразіемъ развлеченій, привлекали къ себѣ массу посѣтителей. Иванъ Ивановичъ былъ мастеромъ своего дѣла и не жалѣлъ денегъ на то, чтобы угодить публикѣ. Новый талантъ, интересная новинка прежде всего появлялись въ «Минерашкахъ». И хорошіе сборы дѣлалъ Излеръ, но подъ конецъ прогорѣлъ и «Минерашки» прекратили свое существованіе.

Въ концѣ юня, весь выпускъ отпраивался на съемку ***). Начальникомъ отряда, при мѣѣ, былъ полковникъ С., преподаватель топографіи; при немъ состояли репетиторы; для наблюденія же за обучающимися офицерами командированъ былъ и подполковникъ фонъ Г. Мѣстность, которую мы должны были нанести на планъ, находилась въ Новгородской губерніи, въ восьми верстахъ отъ станціи «Валдайка», Николаевской желѣзной дороги. Для главной квартіры назначена была большая деревня «Сонки», къ концу которой примыкала помѣщичья усадьба средней руки, съ домомъ и садомъ, но помѣщика или его семейныхъ, хотя они и жили въ деревнѣ, мы во все лѣто не видали ни разу. Ютились офицеры въ лѣтнихъ крестьянскихъ избахъ (горенкахъ), по два и по три человѣка, конечно за плату; кровати, необходимая посуда, провизія, не подверженная скорой порчѣ, привезены были изъ Петербурга. Впослѣдствіи все нужное мы получали черезъ кондукторовъ желѣз-

ной дороги, благодаря любезности начальника станціи г. Небольсина. Пищей довольствовались на артельномъ началѣ: собирались кучками, закупали все сообща и расходъ вели общій. Нельзя сказать чтобы кушали мы хорошо: меню нашихъ обѣдовъ не отличалось разнообразіемъ, такъ какъ не только какія-либо овощи или дичь, но рыбу и даже говядину трудно было всегда имѣть на мѣстѣ—приходилось доставать иной разъ издалека. А о приготовленіи и говорить нечего: наши Vatel'и были крестьянскія бабы или, насмотрѣвшіеся на барской кухнѣ, дворовые. Ну да въ двадцать лѣтъ офицерскіе вкусы не особенно разборчивы, а молодые, крѣпкіе желудки отлично справляются и съ грубою пищею.

Осмотрѣвшись и устроившись, приступали къ работамъ. Разбивалась тригонометрическая сѣть, для чего избирались, прежде всего, существующіе знаки: шпиль церкви, мельницы на возвышенныхъ мѣстахъ и т. п., а за неимѣніемъ или за недостаточностью ихъ, ставили высокія вѣхи съ флагами. Первые треугольники сѣти были довольно велики и разстоянія отъ точки до точки были не близки, обойтись безъ лошади было почти невозможно и потому офицерамъ, назначеннымъ для постановки вѣхъ, необходимо было обзавестись лошадьми. Конечно лошади были крестьянскія, всевозможныхъ лѣтъ и характеровъ, съ самыми разнообразными привычками, а импровизованные всадники, за весьма рѣдкими исключеніями, еле-еле умѣли сидѣть на лошади *). Горе была кавалерія!.. Надо еще прибавить, что развѣ у двухъ-трехъ офицеровъ имѣлись сѣдла; остальные же ѣздили или на коврѣ, сложенной въ нѣсколько разъ, или на подушкѣ, перехваченной подпругой!

Съемка была мензурная; офицеры разбивались на партіи. Отъ времени до времени партіи свѣряли свои «планшеты», исправляли ошибки и сводили вмѣстѣ граничація линіи. Внутреннія подробности наносились на планшетъ уже послѣ общей свѣрки. По окончаніи тригонометрической съемки производилась глазомерная, верхомъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) У академій генеральнаго штаба право носить аксельбанты существовало и ранѣе.

**) Право ношенія аксельбанта предоставлено было и всѣмъ прежде окончившимъ полный курсъ офицерскихъ классовъ.

***) Въ пятидесятыхъ годахъ, окончившіе училищный курсъ кондукторы, по производствѣ въ офицеры, не выпускались во фронтъ какъ теперь, а прямо по окончаніи съемки, поступали въ академію. Тоже было и въ артиллерійской академіи.

Главное (Николаевское) инженерное училище въ пятидесятихъ годахъ.

(Изъ воспоминаній).

(Окончаніе).

Вставали мы рано и, напившись чаю, спѣшили на мѣсто, чтобы побольше сдѣлать до наступленія полуденной жары. Въ полдень выбирали мѣсто гдѣ-нибудь въ тѣни и закусывали чѣмъ Богъ пошлетъ, каждая партія отдѣльно. Начальникъ съемки объѣзжалъ работавшихъ, давалъ указанія, разсматривалъ планшеты и разрѣшалъ недоразумѣнія. Часамъ къ четыремъ мы возвращались домой и садились обѣдать; вечеромъ и въ праздники мы бывали всегда свободны и или гуляли, или читали, или навѣщали другъ друга. Кутежей, а также картъ, и въ поминѣ не было.

Большой отрадой для нѣкоторыхъ изъ насъ, въ особенности при царившей въ «Сопкахъ» скукѣ, было посѣщеніе гостепріимнаго и крайне пріятнаго дома начальника станціи «Валдайка» г. Небольсина. И онъ, и жена его были милѣйшіе и простѣйшіе люди. Дѣтей у нихъ не было. Собирались мы у нихъ по воскресеньямъ и праздникамъ, часамъ къ двумъ пополудни, и просиживали весь день; завертывали иногда и въ будни. Вотъ было чистенькое препровожденіе времени! Сначала скромный, предложенный отъ души обѣдъ, несмолкаемые разговоры о литературѣ, музыкѣ, о послѣднихъ газетныхъ извѣстіяхъ, всегда веселое, живое настроеніе присутствовавшихъ, потомъ послѣ кофе музыка... Ц. А. Кюи, нашъ молодой репетиторъ, игралъ въ четыре руки съ m-me Небольсиной, исполнялъ отрывки изъ своей оперы «Кавказскій плѣнникъ» или романсы своего сочиненія, составлялъ тріо и квартеты; иногда пѣли хоромъ, разсѣвшись на берегу р. Валдайки, протекавшей недалеко отъ дома. Безъ ужина Небольсины не отпускали; за дружескими разговорами мы часто просиживали у нихъ за полночь. Возвращеніе наше домой имѣло видъ весьма комичный: кто ѣхалъ верхомъ, вмѣсто сѣдла, на подушкѣ или коврѣ, кто—на простой крестьянской телѣгѣ. Смѣху, самаго искренняго, безобиднаго, было довольно—и всякій разъ неохотно уѣзжали мы отъ Небольсиныхъ въ «Сопки», и всякій разъ съ надеждой скоро урваться изъ нихъ на пріятливую станцію «Валдайка».

Въ первой половинѣ августа занятія наши кончались и мы возвращались въ Петербургъ. Начинались хлопоты по пріисканію квартиръ и устройству ихъ. У родственниковъ жили не многіе, большинство же офицеровъ помѣщалось въ недорогихъ меблированныхъ комнатахъ или нанимало квартиры сообща. Послѣднее практиковалось офицерами посостоятельнѣе, у которыхъ имѣлась собственная прислуга. Столовалось

*) Въ настоящее время извѣстный композиторъ.

офицерство чаще всего въ кухмистерскихъ, предпочтительно у Мильбрета, на углу Большой Морской и Кирпичнаго переулка. Тамъ было недорого, пища свѣжая и недурно приготовленная; кромѣ того, за обѣдомъ царилъ всегда полный порядокъ и сомнительная публика не допускалась.

1-го сентября начинались лекціи. Офицеры приходили въ академію къ девяти часамъ утра и оставались до половины третьяго; уроковъ было три или четыре, смотря по предметамъ: для нѣкоторыхъ времени полагалось болѣе. Отъ 11 часовъ до полудня былъ перерывъ и офицеры курили *) и закусывали; посылали къ Людекенсу за «кнаквурстами», облюбованными еще въ училищѣ, или къ Фойе за горячими пирожками; нѣкоторые-же поднимались въ третій этажъ пить кофе, который жена старшаго писаря Новикова варила превосходно.

Лекціи посѣщались офицерами довольно аккуратно; въ случаѣ неявки, офицеръ обязанъ былъ прислать рапортъ, съ изложеніемъ причинъ, наблюдающему штабъ-офицеру. Ихъ было два: полковникъ Ковалевъ и подполковникъ фонъ-Гильдебрантъ — оба премилые и предобрые. Первый, впрочемъ, любилъ иногда поворчать и отпустить легкій репримандъ за опозданіе или неподачу рапорта, но все это дѣлалось болѣе для очистки совѣсти. По инструкціи, наблюдающіе штабъ-офицеры обязаны были изрѣдка навѣщать офицеровъ на квартирахъ (конечно, не у родственниковъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ начальству академіи) и въ меблированныхъ комнатахъ, чтобы имѣть понятіе объ ихъ житѣ-бытѣ, но это почти не исполнялось, развѣ офицеръ серьезно заболѣетъ и начальникъ академіи поручитъ наблюдающему принять въ заболѣвшемъ участіе.

Преподаватели въ академіи всѣ были новые; изъ училищныхъ перешелъ съ нами только полковникъ Х, учитель фортификаціи, о которомъ я уже говорилъ. Крупнѣйшимъ изъ профессоровъ и самымъ почитаемымъ былъ академикъ М. В. Остроградскій, въ свое время, математическая знаменитость. Онъ читалъ въ теоретическомъ отдѣленіи интегральное исчисленіе. Это былъ высокаго роста, полный мужчина, внушительнаго вида, лѣтъ подъ шестьдесятъ, кривой, — истый хохотъ, какъ по вѣшиности, такъ и по характеру. Знакомства съ нимъ мы ждали съ трепетомъ — такъ много наговорили намъ о немъ страшнаго! А на дѣлѣ оказалось, что страшень онъ былъ для зубриль, да неразвитыхъ, вообще-же былъ чловѣкъ добродушный, невозмутимый и большой оригиналь. Вотъ какъ состоялось наше первое свиданіе. Остроградскій вошелъ въ классъ, молча отдалъ намъ поклонъ и лѣнливо опустился въ кресло, стоявшее передъ профессорскимъ столикомъ. На столигѣ лежали: журналъ съ отмѣтками Вышнеградскаго, по дифференціальному исчисленію, кучка нюхательнаго «бобковаго» табаку на четвертушкѣ писчей бумаги, чистое полотенце и стоялъ стаканъ воды (все это было приготовлено по издавна заведенному порядку). Остроградскій опустилъ два пальца въ стаканъ, смочилъ нѣсколькими каплями воды табакъ, перемѣшалъ его и, сдѣлавъ понюшку-другую, вымылъ руку и и обтеръ ее полотенцемъ. — «А кто здѣсь изъ полтавскихъ?» — спросилъ М. В. Отозвалось двое-трое. — «Пу вы, душеньки, землячки мои, будете проконсулами... Ваши фамилии?» (отмѣтилъ въ журналѣ). Потомъ обвелъ глазами все офицерство и остановился на самомъ невзрачномъ: — «Фамилія ваша?»... (Тотъ сказалъ). — «А вы — консуломъ?»... Консулъ и проконсулы возрадовались, такъ какъ по традиціямъ могли рассчитывать на поддержку Остроградскаго на экзаменѣ. Затѣмъ остальные офицеры были раздѣлены, смотря

по отмѣткамъ, на «патрицевъ» и «плебеевъ» *). Остроградскій читалъ хорошо, но слишкомъ быстро и не любилъ, чтобы его переспрашивали; записывать за нимъ было трудно. Каждая теорема носила особое названіе: «Александръ Македонскій», «Птоломей», «Наполеонъ» и т. д. — «Ну, душенька, расскажите мнѣ Птолемея», и если вызванный отвѣтитъ неладно, М. В. хладнокровно встанетъ съ кресла, подойдетъ къ доскѣ, перемакаетъ написанное и скажетъ: — «Сядытесь... Вы, душенька, нычего не понимаете... Сядытесь...» И не спроситъ этого «душеньку» вплоть до экзамена. Только подъ конецъ курса вызоветъ, чтобы дать возможность поправиться, да и то, если увидитъ, что изъ молодого чловѣка толкъ выйдетъ. — «Худой бынжанеръ бѣзъ математыки будэтъ!» — говаривалъ Михаилъ Васильевичъ.

Остроградскій нерѣдко пропускалъ уроки и случалось, что вмѣсто одной лекціи, онъ читалъ вдругъ двѣ и три, чтобы нагнать пропущенное время, — тогда тяжеленько намъ бывало! Экзамена изъ интегральнаго исчисленія страшно боялись; существовало убѣжденіе, что кто выдержитъ его, непременно перейдетъ въ практическое отдѣленіе и получитъ подпоручика, а провалится — пиши пропало! Со мной былъ такой случай на годовомъ экзаменѣ (полугодовыхъ въ академіи не было): беру билетъ и вдругъ вижу, что написанной на немъ задати не знаю (на каждомъ билетѣ, внизу, прибавлена была задача; помѣщенная въ моемъ билетѣ не была объяснена, какъ и еще три-четыре задачи, за недостаткомъ времени), — похолодѣлъ даже весь! Пишу отвѣтъ на билетъ и жду, когда Остроградскій подойдетъ къ намъ... Подходить. «Ваше превосходительство... Ваше превосходительство!» — отчаянно шепчу ему... Молча проходитъ мимо. Совершенно уничтоженный, продолжаю писать... Вдругъ слышу, за спиной, голосъ М. В.: «не бойтѣсь, душенька, рѣзать васъ не стану!» — «Я задачи только не знаю... она изъ послѣднихъ»... уже успокоиваясь, заявляю я.

— «А другія... знаете?» — «Знаю». Остроградскій отошелъ. Пришла моя очередь отвѣчать. Вижу, М. В. говоритъ начальнику училища что то на ухо, тотъ кивнулъ головой и Остроградскій предложилъ мнѣ стереть все написанное. Страхъ охватилъ меня... Всѣ ужасы, которые рассказывали про Остроградскаго (конечно, сильно преувеличенные), молніей сверкнули у меня въ головѣ и мундиръ армейскаго сапера, какъ пугало, вдругъ всталъ передо мною. Прощай чинъ подпоручика, аксельбанты! — «Вы, душенька, билетъ знаете... посмотримъ какъ съ задачей справытѣсь»... — и диктуетъ задачу изъ... легонькихъ... Меня моментально въ жаръ бросило! Живо рѣшилъ и, получивъ 11, какъ безумный выбѣжалъ изъ комнаты.

Отъ одного академика перейду къ другому, почтенному старичку г. Эйхвалду. Преподавалъ онъ, въ теоретическомъ отдѣленіи, «строеніе земной коры» и «ориктогнозію» — науку о минералахъ. Вотъ согрѣшеніе то было учить послѣднюю: сложная долбня! О каждомъ минералѣ надо было объяснить мѣстонахожденіе его, породу, въ которой минералъ встрѣчается, форму и цвѣтъ его. Подробности требовались ужасныя. Напримѣръ: цвѣтъ какого то минерала (названія не помню) облеченъ былъ въ такую сложную форму: «луково-фисташково-спаржево-зеленый!» Извольте запомнить нѣсколько десятковъ такихъ опредѣленій и безошибочно примѣнить къ извѣстному минералу! Конечно, ихъ и не примѣняли такъ, какъ требовалось: задалбливали только главный цвѣтъ, а дополненія къ нему наизывали уже по вдохновенію. Привирали на экзаменѣ также не мало, пользуясь присутствіемъ добродушныхъ ассистентовъ и тѣмъ, что почти никто не помнилъ всѣхъ этихъ «луково-фис-

*. Для куренія отведена была отдѣльная комната.

*) Прикомандированные офицеры попадали по большей части въ «плебеевъ».

ташково-спаржевыхъ» отѣнковъ. Старицкѣ Эйхвальдъ оставался говорившаго, махалъ рукой и качалъ головой, но все это пропадало даромъ: бойкій офицеръ (а не ориктогнози всѣ были бойки) несъ свое, пересыпалъ суть билета мудреными названіями, чуть не изъ всего курса, и затѣмъ умолкалъ. Добрый академикъ, въ послѣдній разъ махалъ рукой и сконфуженно, безъ протеста, выслушивалъ одобрителные отзывы присутствовавшихъ.

Хорошо и интересно читалъ военную исторію Генрихъ Антоновичъ Лееръ, подполковникъ генеральнаго штаба *), бывшій воспитанникъ инженернаго училища, впоследствии начальникъ академіи генеральнаго штаба и крупный военно-ученый авторитетъ. Свѣтлая, хорошая личность, видѣвшая въ обучающемся офицерѣ товарища, всегда готовая прійти къ нему на помощь доставленіемъ ли переводовъ или уроковъ, помѣщеніемъ ли статей въ военныхъ журналахъ, Г. А. былъ нашимъ любимцемъ, котораго мы высоко цѣнили и уважали. Тактикой и военною исторіей, а также рѣшеніемъ тактическихъ задачъ, мы занимались добросовѣстно и экзамены изъ этихъ предметовъ проходили всегда удачно, за весьма рѣдкими исключениями.

Волѣ блестящимъ, но за то менѣе серіознымъ, лекторомъ былъ штабсъ-капитанъ путей сообщенія Соколовскій, преподававшій исторію гражданской архитектуры. Мы его заслушивались, но о той связи, которая соединяла насъ съ Лееромъ, не было и помину: Соколовскій держался отъ насъ далеко и отношенія наши къ нему имѣли характеръ совершенно официальный, ученика къ учителю.

Полковникъ Роше, профессоръ военно-строительнаго искусства и изобрѣтатель весьма извѣстнаго въ мое время «цемента Роше», зналъ свой предметъ прекрасно, но ораторскимъ талантомъ не отличался; за то все, что передавалъ слушателямъ, было такъ понятно изложено, такъ объяснено на дѣлѣ, что тотчасъ же легко усваивалось и невольно врѣзывалось въ память.

Оставленіе офицера на другой годъ, въ которомъ либо изъ отѣленій, не допускалось; не выдержавшіе переходный экзаменъ инженеръ-прапорщики отсылались во фронтъ, въ армейскіе саперы или конно-піонеры, а прикомандированные изъ гвардіи и другихъ частей — возвращались въ свои части. Переэкзаменовки разрѣшались крайне рѣдко, самимъ Я. И. Ростовцевымъ и только въ исключительныхъ случаяхъ.

Перешедшіе въ практическое отѣленіе офицеры командировались, на все лѣто, въ разныя крѣпости для практическихъ занятій; нѣкоторымъ разрѣшались двухмѣсячные, съ сохраненіемъ содержанія, отпуска.

Курсъ практическаго отѣленія академіи вполне соответствовалъ названію сего послѣдняго: занятія по всѣмъ предметамъ перенесены были съ теоретической на практическую почву. По фортификаціи рѣшались задачи по атакѣ и оборонѣ крѣпостей, составлялись проекты по возведенію сихъ послѣднихъ, при данныхъ условіяхъ и при извѣстномъ планѣ мѣстности, по тактикѣ — тактическія задачи на заданныя темы. По военно-строительному искусству и по гражданской архитектурѣ составлялись проекты оборонительныхъ казармъ, приморскихъ батарей, фортовъ, военныхъ зданій, водоснабженія, постоянныхъ мостовъ, жилыхъ построекъ и проч. Ко всякому проекту должна была быть приложена объяснительная записка съ необходимыми смѣтами и подробными вычислениями.

Кромѣ проектовъ, въ теченіе года, каждый офицеръ обязанъ былъ представить сочиненіе на тему,

избранную имъ изъ фортификаціи, строительнаго искусства или гражданской архитектуры.

Выпускные экзамены кончались въ послѣднихъ числахъ мая или въ началѣ юня. Офицеры, получившіе, въ среднемъ выводѣ и въ специальныхъ предметахъ, не менѣе 10 балловъ, производились въ инженеръ-поручики *), сохраняли аксельбантъ и причислялись къ первому разряду; офицеры, имѣвшие тотъ же средній выводъ, но получившіе изъ котораго-либо specialнаго предмета менѣе 10 балловъ, выпускались подпоручиками въ армейскіе саперы или конно-піонеры и причислялись ко второму разряду, но сохраняли аксельбантъ; всѣ остальные составляли третій разрядъ и аксельбанта лишались. Требования были тяжелыя; случалось, что въ третій разрядъ попадали личности, имѣвшія почти 11 балловъ въ среднемъ, но изъ двухъ специальныхъ предметовъ получившія по 9 балловъ.

Въ гвардію, т.-е. въ гвардейскіе саперы и конно-піонеры выпускались, по желанію, офицеры только перваго разряда, прапорщиками съ двухлѣтнимъ старшинствомъ.

Я кончилъ свои воспоминанія. Съ любовію и правдиво пережилъ вновь пятидесятыя годы бытія инженернаго училища и, прощаясь теперь съ читателемъ (если таковой у меня будетъ), позволяю себѣ воспроизвести передъ нимъ обликъ той школы, которая меня не только образовала, но и воспитала и память о которой для меня неизгладима.

Отъ хорошаго дерева и плоды хорошіе, отъ хорошей школы — хорошіе и дѣятели, вѣрные слуги Государю и Отечеству.

Какъ-же послужило симъ послѣднимъ Инженерное училище?

На черныхъ мраморныхъ доскахъ училищной церкви немало записано фамилій воспитанниковъ, на брани, во славу Россіи, животь свой положившихъ... На бѣлыхъ мраморныхъ доскахъ рекреационнаго зала, подъ сѣнію креста св. великомученика Георгія, немало георгиевскихъ кавалеровъ...

Это — воины, совершители подвиговъ.

Кронштадтъ охраняетъ Петербургъ, столицу Россіи, мѣстопробываніе Державнаго Хозяина земли русской; какъ замѣчательную военно-инженерную морскую постройку, Кронштадтъ нарочно пріѣзжали осматривать иностранные инженеры. Динабургъ (теперешній Двинскъ), Ново-Георгиевскъ, Брестъ-Литовскъ, Ивангородъ, Кіевъ оберегаютъ нашу западную границу. Многогрудальный, боевой Севастополь, возникшій во время самой осады, давшій возможность развернуться во всю ширь русской доблести и пригвоздившій, на одиннадцать мѣсяцевъ, непріятеля къ Крымскому полуострову...

Чьихъ рукъ это дѣло?

Это — славные памятники учениковъ Инженернаго училища, строителей въ мирное и созидателей въ военное время.

А Петровскій и Одесскій порты, работы на рѣкахъ Западнаго бассейна, водопроводы въ привислинскихъ крѣпостяхъ, артезианскіе колодцы въ Ригѣ и Кіевѣ, висячіе мосты въ Ново-Георгиевскѣ и Брестъ-Литовскѣ и большіе желѣзнодорожныя?.. А кто были піонерами желѣзнаго строенія, строителями первой желѣзнодорожной сѣти?.. Кто развилъ цементное и асфальтовое дѣло?..

Тѣ-же военные инженеры.

Но этимъ не ограничилась заслуга училища: кромѣ воиновъ и инженеровъ-строителей, оно подготовило профессоровъ по разнымъ наукамъ, дѣятелей на другихъ поприщахъ. Училище не забило природ-

*) Читалъ также и тактику; я упоминалъ о немъ въ началѣ воспоминаній.

*) Переименовывались въ инженеръ-поручики и всѣ, желавшіе перейти въ инженерный корпусъ, прикомандированные офицеры.

ныя способности учениковъ, не помѣшало развитію ихъ талантовъ... Имена Тотлебена и Радецкого окружены ореоломъ военной славы; Паукеръ *) создалъ строительную механику; Лееръ, какъ профессоръ, пользуется европейскою извѣстностью; Струве—строитель замѣчательныхъ мостовъ и организаторъ заводскаго дѣла; Беренсъ—извѣстный математикъ; епископъ Игнатій (Брянчаниновъ)—крупный духовный писатель; Сѣменовъ—профессоръ-физиологъ; Достоевскій и Григоровичъ—украшеніе русской литературы, Кюи—талантливый композиторъ... А мало-ли еще дѣятелей не столь знаменитыхъ и извѣстныхъ, но полезныхъ и много потрудившихся!

Преуспѣвай-же, съ Божіею помощію, Николаевское Инженерное училище, трудись на пользу Великой Матушки Руси и, памятуя свое прошедшее, будь достойно своего Незабвеннаго Основателя и своихъ Высокихъ Покровителей!

А. Любачъ.

